

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Знаменитая французская
провидица мадам Ленорман
владела необычным
магическим артефактом –
лунным камнем «Око Судьбы»,
позволявшим ей видеть
прошлое, настоящее и будущее.
После таинственной смерти
гадалки камень оказался в
России, и теперь он стоит
целое состояние...

Екатерина ЛЕСИНА

Лунный камень мадам Ленорман



Артефакт & Детектив

Екатерина Лесина

Лунный камень мадам Ленорман

«ЭКСМО»

2014

Лесина Е.

Лунный камень мадам Ленорман / Е. Лесина — «Эксмо»,
2014 — (Артефакт & Детектив)

Жизнь легендарной гадалки и ясновидящей XIX века мадам Ленорман окутана тайнами. Она предсказывала судьбу и обычным крестьянам, и сильным мира сего. Именно Ленорман предрекла великое будущее Жозефине Бонапарт и ее мужу, а помогал ей в этом магический лунный камень «Око Судьбы». После смерти провидицы камень попал к другой гадалке и оказался в России... В старинном особняке на острове живет многочисленное семейство. И все у них есть, кроме счастья. Хозяин дома Кирилл недавно умер при загадочных обстоятельствах, родственники ненавидят друг друга... К Грише, сыну погибшего, приезжает молодая учительница Маша и первым делом знакомится с... призраком, который, по преданию, охраняет таинственное сокровище и появляется перед обитателями дома перед их смертью. Почему же на этот раз Женщину в белом увидела совершенно посторонняя девушка и неужели теперь сама Смерть пришла за Машей?

© Лесина Е., 2014

© Эксмо, 2014

Екатерина Лесина

Лунный камень мадам Ленорман

Шел дождь.

Он начался еще на переправе, и женищина, скрывавшая лицо за плотной вуалью, хмурилась, куталась в плащ, который, впрочем, не способен был спасти ее от сырости. Зябли руки, и ноги замерзли до того, что пальцев своих она не ощущала.

– Скоро уж, – словно извиняясь за дождь и прочие неудобства, сказал мужик. Он ворочал веслами бодро, и лодчонка покачивалась на черных волнах озера.

Неуютно.

Жутковато даже. Низкое, какое-то обвислое, будто брюхо старой облезлой собаки, небо. И темная вода. Весла тревожат ее, поднимают водяные нити, и капли осыпаются, рождают круг за кругом.

Скрипят уключины.

И само это озеро вдруг видится частью великой реки Стикс, а провожатый – хмурый, по самую макушку закутанный в черный рыбацкий плащ, – чем он не великий Харон?

Разве что голосом тонким, почти женским.

– Оно-то главное до грозы успеть. – Он чувствует ее неудобство и страх, за который женищине стыдно, и она прячет лицо, пусть бы в этом полумраке, да и за вуалью, его выражения не разглядеть. Но взгляд мужика становится цепким, неудобным. – Когда грозы шалить начинают, с острова уже не выбраться.

Он выплывал из сумрака медленно, темная, проклятая земля. Горб, вздыбившийся, выползший из воды, причудливый зверь, однажды уснувший и позабывший о том, что был зверем. Шкура его поросла тонкой земляной корой, а в ней уже прижились хилые деревца.

...почему он забрался сюда?

Выстроил дом на острове? Или нарочно? Зная ее страх перед водой? Он притворялся если не другом, то старым приятелем, цеплялся за нее письмами, воспоминаниями, которых не так много, но достаточно. Он знал о стесненных условиях, в которых она пребывает.

– Вот приедете – отогреетесь, – мужик поднял весла, позволяя воде нести лодчонку. С широких лопастей скатывались капли, и по воде бежали круги. – Там Николашкина супружница поварихою, а уж она-то знатно готовит...

– Скажи, давно он здесь живет?

Голос женищины был ломким, неуверенным. И сама она сцепила пальцы под подбородком, с трудом сдерживаясь, чтобы самым позорным образом не впитаться в деревянные борта. Не завизжать. Не потребовать, чтобы ее вернули к старой пристани. А оттуда, подхватив саквояж, кинуться к деревеньке. Глядишь, и выйдет убраться дотемна...

Но куда?

И дальше как быть?

Нет, без его помощи женищине не обойтись. И согласившись на его условия, она не отступит. Игра? Пускай. Ему думается, что он умнее прочих? Ложь. Но пусть себе... чего он хочет? Истины? Или мести? Пять лет прошло, а не забыл. В письмах ни словом, ни намеком не обмолвился об Ольге, и она сама не затрагивала ту болезненную тему, но когда он, живо сочувствуя новым обстоятельствам ее жизни, предложил приехать, поняла: в ней дело, в Ольге...

Пять лет – много ли?

Мало. И дня не проходит, чтобы не потревожила память.

– Хозяин-то? – Мужик вновь заработал веслами. Они взлетали над водой, чтобы, опирав полукруг, вновь нырнуть в плотные глубины озера, зачерпнуть, надавить, подтолкнуть

лодчонку ближе к берегу, укутанному в туманные шали. – Так второй-то год пошел... все строился. Станный человек, уж прости, Господи... нет, никто-то от него дурного не видел. Обходительный господин, да только...

Мужик покосился на берег и на дом, что виднелся в сумраке, белесая, седая громадина, скалу оседлавшая.

– Разве ж будет нормальный человек жить наособищу?

Не будет.

А мужик, словно поймав на себе взгляд слепых окон дома, замолчал, сгорбился и злее, быстрее заработал веслами. Ему хотелось достичь берега и высадить неприятную гостью. Длинная и тощая, в темном траурном одеянии, которое лишь подчеркивало неестественную ее худобу, и лицо завесила. Ветер нет-нет да и подвинет вуальку, и тогда мелькает бледное, какое-то нечеловеческое в чертах своих лицо.

Жутко смотреть на него. А не смотреть не выходит.

– Сродственник ваш? – Лишь когда лодчонка добралась до пристани, мужик обрел дар речи. Заарканив веревкой столб, он подтянул суденышко вплотную к доскам, свежим, еще сохранившим мягкий аромат дерева. Вылез первым и руку даме подал.

Приняла. Оперлась и сдавила неестественно тонкими ледяными пальцами.

– Родственник, – согласилась она. – Муж сестры.

И опережая вопрос, добавила:

– Она умерла.

– Горе-то какое. – Мужик, прыгнув в лодку, вытащил и подал саквояж, показавшийся тяжеленным. Но женщина приняла его без натуги. На чемоданы она смотрела равнодушно, а он, не зная, как быть, просто выгрузил их на настил.

К дому отнести?

И проводить... но страшно... всякое говорили и про остров, и про молчаливого его хозяина.

– Пять лет уже прошло.

Она повернулась к дому.

– Почти прошло... вы можете быть свободны. Меня встретят.

Ледяной порыв ветра заставил ее отвернуться. Женщина застыла, глядя на черную тропу, по которой медленно двигался желтый огонек.

– Здравствуй, Анна, – человек остановился в дюжине шагов. В вечерних сумерках он показался ей призраком, тенью. И старая лампа, которую он держал в руке, не разгоняла темноту, но лишь сгустила ее.

– Здравствуй.

– Ты хорошо выглядишь. – Он все же шагнул к ней.

– Лжешь.

Прежде он не умел лгать, наивно краснел, начинал заикаться, и Ольгу это донельзя забавляло. Что сказала бы она, увидев его сейчас?

Повзрослел. Возмужал. Лицо по-прежнему бледное, чахоточное, с острыми скулами и длинным тонким носом. Губы жесткие. Широкий подбородок. Красив? Нет, но интересен, и Анна позволила себе любопытство, которое он перенес с обычным своим терпением.

– Изменился? – Он подал ей лампу, сам же подхватил ее саквояж.

– Изменился, – не стала отрицать Анна.

– Надеюсь, в лучшую сторону?

Анна промолчала, оглянулась, но... лодка и прежний ее провожатый исчезли. Сбежать не выйдет. И он, чувствуя ее намерение, сказал:

– Не думай даже! Я тебя не отпущу.

– Только ли меня, Франц?

Усмехнулся кривоватой болезненной усмешкой.

– Ты всегда была умнее прочих.

Пожалуй, но это не спасло ее от беды. Анна шла по узкой тропе, которая поднималась к дому, раздумывая о том, имелся ли у нее иной выход.

Нет. Имение ушло с молотка, а с ним и вещи, столь нежно любимые ею, картины, купленные еще дедом. И бабушкина китайская ваза. Старые канделябры, мебель, приобретенная уже матушкой. Ольгин фарфоровый сервиз, любимые книги и столовое серебро...

Ее дом, саму ее жизнь разодрали в клочья. И что осталось? Горсть воспоминаний? Сожаления о том, что изменить ничего нельзя? Пустота под сердцем? Надежда?

Нет, надежда умерла. Этой ли осенью? Или много раньше?

– Не печалься, – Франц остановился у двери. – Верь, все, что ни делается – к лучшему.

Он ответил ей ее же словами. Случайно? Отнюдь. И Анна, отбросив вуаль, ответила:

– Кого еще ты позвал?

Франц же вновь усмехнулся. А глаза-то мертвые, стеклянные. Они застыли пять лет тому, на похоронах, и кажется, если взглядеться в них, Анна увидит старое кладбище, клены с облетевшей листвой, церквушку, облезлый купол которой лоснился от дождя, себя же в черном платье...

– Всех, – он взял-таки ее за руку и поднес к губам. И Анна ощутила сквозь перчатку тепло его дыхания. – Ты ведь понимаешь, что иначе было нельзя?!

Как ни странно, она действительно понимала.

– Скажи, – Франц не спешил отпускать ее руку. – Ты любила ее?

– Любила. – Анна выдержала его взгляд и с улыбкой, очень тихо, ответила: – И ее тоже.

В лицо пахнуло теплом, домашним, уютным. Озябшие пальцы Анны не без труда управились с застежкой плаща. Шляпку забрали, и без вуали Анна почувствовала себя незащищенной.

– Ты постарела, – сказал Франц.

Он не собирался щадить ее, да и никого. Имел ли право? Пожалуй.

– Когда придут остальные?

– Уже. Иди. Отдыхай. За ужином встретитесь.

Значит, есть еще время. Отдых? Скорее ожидание. И попытка привести себя в порядок, которая, впрочем, так и останется попыткой. Постарела? В последние месяцы Анна избегала зеркал, но он, демон души ее, словно зная об этом новом страхе, привел в комнату, стены которой украшали зеркала. И куда ни повернись, Анна видела их и себя, в них отраженную.

– Тебе нравится?

Чего он ждал? Признания? Просьбы о милосердии?

– Да, благодарю. – Анна умела сохранять лицо. – Дом великолепен.

– Я старался. – Больше нет насмешек, и Франц, поклонившись, оставляет ее наедине с зеркалами. Из них на Анну смотрит женщина в темном траурном наряде. Она высока и худа до измождения, и платье подчеркивает эту худобу, а еще нехорошую желтизну кожи, болезненный румянец и глубокие тени, что залегли под глазами. В темных волосах женщины блестят серебряные нити. А вялые губы ее кривятся в слабом подобии улыбки. И Анна, коснувшись зеркальной глади, оставив свой отпечаток на стекле, закрывает отражению глаза. Пусть бы та, другая она, ослепла.

И забыла о том, что случилось пять лет тому...

То, что день будет неудачным, Машка поняла сразу. Она вообще была на редкость невезучим человеком, и если неприятность могла случиться, то она всенепременно случалась с Машкой. И если не могла, то все равно случалась.

Сейчас, стоя в коридорчике, слишком тесном, чтобы вместить трехстворчатый шкаф, подставку для обуви, роскошное зеркало и еще Машку, она разглядывала ботинки. Машка готова была поклясться, что накануне предусмотрительно убрала их в свою комнату, но вот они стоят, черные лоуферы, вернее, некогда черные. Теперь они были заботливо выкрашены в нарядный розовый цвет.

Маркером.

Тем самым розовым маркером, которым сестра на банках писала... водонерастворимым и спиртонесмываемым. И цвет лег на редкость неравномерно.

– Ну... – выглянув в коридор, сестрица хмыкнула, – сама виновата. Убирать надо.

– Теть Маш, – младшенькая благоразумно спряталась за мамину юбку. – Так красивше.

– Вот, – сестрица потрепала младшенькую по вихрастой макушке. – Даже ребенок видит, что у тебя, Машка, вкуса нет.

Дело не во вкусе. Дело в том, что ботинки эти были просто-таки жизненно необходимы Машке.

– Га-а-ль, – протянула она, чувствуя, как к горлу подступают слезы. – У меня же собеседование... и как я теперь?

– Мои возьми. Хотя...

Ну да, как тут... Галка носила тридцать девятый, а Машка – тридцать шестой, и это не считая нежной любви сестры к высоким каблукам и ярким расцветкам.

– Погоди, – Галка, вручив младшенькой половник, распахнула дверцы шкафа. Оставшийся с незапамятных времен, он был огромен и вмещал кучу самых разнообразных предметов, начиная от садового секатора и заканчивая лыжами, которые Галкин муж сунул в угол три года назад и с тех пор так и не доставал ни разу. – Где-то... вот.

Она вытащила пакет, в котором лежали серые башмаки. Сплюснутые, перевязанные, они походили на двухдохлых крыс, и шнурки матерчатыми хвостами выглядывали из пакета.

– Вот, мне они маленькие, тебе будут большие, но ничего, бумаги в носы напихаешь, и ладно.

Вооружившись щеткой, она очищала ботинки от пыли. А Машка просто стояла, понимая, что день сегодня... ну просто очень неудачный сегодня день...

– Чего? Ну можешь сапоги надеть или кроссовки.

К английской юбке и строгому пиджаку? Нет, Галка права, ботинки – меньшее из зол. И Машка, вздохнув, пошла за газетами. Младшая, спрятавшись в углу, премемерно хихикала, а ее братец, отвлекшись от книги, сказал:

– Главное, что в голове, а не что надето.

В свои пятнадцать племянник полагал себя мудрым и спешил мудростью делиться.

– Только ходи аккуратно. – Галка сама шнурки завязала. Порой Машке казалось, что сестрица не видит разницы между своими отпрысками и нею, но сегодня возражать не хотелось. – И в лужи не лезь... и сумку не забудь... а туфли твои я почищу.

– Спасибо.

– Ни пуха, – Галка сплюнула и постучала по дверце шкафа. – Иди уже, учительница...

...Наверное, в этом и беда, что на учительницу Машка походила слабо. В двадцать пять с хвостиком она выглядела едва ли на пятнадцать. Круглолицая, розовощекая, глаза синие и наивные, а волосы белые, мелким бесом вьются. Машка с ними и так, и этак боролась. Пыталась выпрямлять, мазала гелями, лаками поливала. Волосы становились хрустящими, как папиросная бумага, но продолжали виться.

Бросив последний взгляд в зеркало: серый костюм кое-как скрывал подростковую субтильность фигуры, волосы были зачесаны в правильный учительский узелок – Машка ответила:

– К черту.

И побежала, убеждая себя, что сегодня у нее получится. Должно же у Машки хоть когда-нибудь да получиться? В конце концов, сколько можно у сестры на шее сидеть? Галина-то не против, а супруг ее не так уж часто дома бывает, чтобы Машка ему мешала, и племянники ее любят, но ведь в двадцать пять уже пора вести взрослую самостоятельную жизнь!

Только заработать на нее не выходит.

Во дворе Машку встретил Толик, старый ее ухажер, который периодически признавался, что чувства остыли, и исчезал, а спустя месяц-другой выплывал из небытия с букетиком из трех гвоздик и пафосной речью.

– Мария! – он всегда обращался именно так. – Остановись!

– Мне некогда!

Такси Машка решила не вызывать: денег в кошельке было мало, и те – стараниями Галины.

– Мария, я шел к тебе с официальным предложением.

– Потом!

Он схватил за рукав и, рывком развернув Машку, сунул ей в руку гвоздики.

– Это тебе.

– Толя, спасибо, но мне действительно некогда. Спешу я.

– Куда? – Толик нахмурился. В периоды своей влюбленности в Машку он становился навязчив и патологически ревнив.

– На собеседование. На работу я устраиваюсь...

И на эту работу Машку рекомендовала Светочка, бессменная подруга сестры. Опаздывать было бы крайне неприлично.

– Так, – Толик посветлел лицом, – я тебя подкину. Я тачку купил...

Предложение было заманчивым и, глянув на часы, Машка согласилась, но очень скоро о своем согласии пожалела. Толикова «тачка» оказалась «Мерседесом», возраст которого перевалил за третий десяток.

– Осторожно, – предупредил Толик, не то открывая дверцу, не то придерживая ее, чтобы не отвалилась. – Ее немного починить надо.

– Немного? – Сиденье под Машкой закрипело, и спинка опасно накренилась, грозя обвалиться в любой момент. – Да она...

Машка прикусила губу: лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Машина, к счастью, завелась почти сразу.

– Ты не смотри, что она такая, – Толик вцепился в руль обеими руками, – это ничего... у меня друган есть, так у него руки золотые...

...Машка кивала – а большего от нее в разговоре с Толиком и не требовалось – и думала о своем. Мысли были печальными.

Галка обмолвилась, что Федору в городе работу предлагают постоянную, с хорошим окладом. Это раз. Галка снова беременна – это два. И конечно, Машка любит этого ребенка, как любит остальных племянников, несмотря на занудство старшего и неумную страсть к усовершенствованию всего младшей. Но в квартире три комнаты, причем третья появилась после того, как зал разделили перегородкой надвое, выделив Машке закуток. Вроде бы все по-честному, и никто никому не мешал, но теперь...

...Галкин муж, который будет возвращаться не на неделю в полгода, но каждый вечер. И тишины захочет, покоя. Новорожденный малыш. Ксенька повзрослевшая. И Гарик, который давно ворчал, что не желает с девчонкой комнату делить.

Семья.

И в этой семье Маша лишняя. Нет, ей никто в глаза не скажет, но она сама время от времени ловит задумчивый Галкин взгляд. В нем так и читается, что, мол, одно дело вчетвером жить, а вшестером – совсем другое. И ведь права она. Машка взрослая. Самостоятельная.

Только невезучая до жути... и с работой у нее ну никак не ладится. А дать денег, чтобы квартиру снимать... нет, на такое Маша не согласна.

Хоть и вправду замуж выходи.

За Толика.

Машка покосилась на него, сосредоточенного, насупленного – видимо, понял, что его не слушают, и обиделся. Жених? Почему нет? Не урод. Занудный слегка. И влюбчивый. Зато квартиру имеет трехкомнатную, в которой, кроме самого Толика и его матушки, никого...

– И кем ты на этот раз устраиваешься? – поинтересовался Толик, всем видом своим демонстрируя глубину нанесенной ему обиды.

– Кем получится. – Машка вцепилась в сумочку и пальцы скрестила – на удачу.

Ну должно же ей хоть когда-нибудь повезти?

При этой мысли Толиков «Мерседес» дернулся и заглох.

Мефодий снова увидел женщину в белых одеждах.

Засиделся допоздна, пытаюсь навести порядок в бумагах. Кирилл всегда испытывал к ним глубочайшее отвращение, порой переходящее в ненависть, предпочитая все более-менее важные вещи держать в голове. Вот только Кирилл не мог предвидеть того, что умрет. И Мефодий, окинув взглядом бумажные развалы, в которых платежки за газ и электричество перемежались с договорами подряда, банковскими выписками и рекламными листовками, вздохнул. Чтобы разобрать все это, понадобятся дни, если не месяцы. И от мысли подобной настроение ухудшилось.

Он потянулся, чувствуя, как знакомо хрустнула спина, и значит, точно прихватит ночью, отбирая и те немногие часы сна, которые он себе позволял. Вдруг накатила усталость.

Почему так вышло?

Кирилл ведь всегда был осторожен, порой доходило до того, что эта осторожность его граничила с паранойей. Неужели и вправду – чувствовал?

– Ты понимаешь, братишка, странно оно, – Кирилл ставил кресло вдали от окна и морщился, глядя на то, как Мефодий забирается на подоконник, садится, опираясь на косяк. И приоткрытое окно, и пропасть за ним нервировали брата. И Мефодий, зная это, дразнил его.

– Я вроде и не сказать, чтобы боюсь...

Бойтся.

Высоты. Глубокой воды, предпочитая местной бухте бассейн. Темноты – спит всегда с включенным ночником, что бесит Грету. Собак еще, даже мелких. Скорости...

Сотни вещей, самых обыкновенных!

– ...но вот... предчувствие нехорошее. Слезь, а то продует, будешь потом опять на спину жаловаться.

И Мефодий слезал с подоконника. Кирилл же вздыхал, как он умел, глубоко и тягостно, словно все заботы мира легли на его плечи.

– Когда я умру...

– Прекрати!

Эта его убежденность, которая никак не увязывалась со страхами, действовала Мефодию на нервы. Умрет? Еще чего!

– Умру, – упрямо повторял Кирилл. – Так вот, пообещай, что обо всех позаботишься.

– Ну да, как ты гадюшник без присмотра оставишь!

Кирилл морщился.

– Это семья. – Он и вправду считал всех этих случайных людей семьей. И Мефодий ничего не мог поделать с его убежденностью. Доказывать, что им от Кирилла одно лишь нужно, было бесполезно: сам знал. – А родственников, Федя, не выбирают. Пообещай!

– Не называй меня Федей!

– Пообещай, – Кирилл не собирался отступать. Глупый же разговор. И Мефодию подумалось, что если брату станет спокойней, то отчего бы не дать обещание? В конце концов, Кирилл не собирается умирать на самом-то деле.

Он здоров. Силен. И проживет не один десяток лет, так почему бы и нет?!

– Хорошо. Я их не брошу.

Кирилл кивнул и тихо-тихо признался:

– Я видел ее.

– Кого?

– Женщину в белом.

И тогда Мефодий не сдержался, выругался, хотя и знал, что брат терпеть не может, когда изъясняются матом. Но женщина в белом, старый призрак древнего дома, вестница смерти, которая является к тому, чей срок вышел – это чересчур. Да и в призраков Мефодий не верил.

– Поймаю и выпорю, – сказал тогда Мефодий, поклявшись, что и вправду поймает и выпорет. Ради такого дела даже задержится в доме, в котором ему не рады.

– Ты мне не веришь?

– Не тебе. Верю, что ты и вправду видел, вот только кого?

Грета? Решила поугагать бывшего супруга? Или Софья? Стася? А может, и не среди бабья искать следует, но заняться маленькой хитрой сволочью, Софьиным сыном?

– Женщину в белом. Она красивая. На самом деле очень красивая... и она звала меня за собой. – Кирилл поднялся и, открыв бар, вытащил бутылку коньяка. Вот странность: он и пить-то не умел, не любил, повторяя, что алкоголь дурно сказывается на работе головы. А собственная голова Кириллу была нужна. И вот он, поборник трезвости, наполняет бокалы. Мефодию плеснул на дно, а свой до краев налил.

– Ты что?

– Обещай, что не станешь обо мне горевать.

– Кирка...

Кирилл мотнул головой и, зажмурившись, залпом опрокинул бокал. А Мефодию подумалось, что ту девицу и нанять могли. Ничего, вот поймает он призрака и тогда...

... Не поймал.

Трех дней не прошло, как Кирилл утонул. Не в бассейне, а в бухте, которой всегда избегал. На берегу помимо одежды обнаружили бутылку коньяка, а в крови Кирилла нашли алкоголь.

– Несчастный случай, – таково было заключение. Вот только Мефодий с ним не согласился.

– А я всегда знала, что наш святоша втихаря попивает, – сказала Грета, сморщив аристократический носик.

– Заткнись.

Она дернула плечиком и исчезла в своей комнате, откуда вышла в изящном черном платье. Грета решила сыграть вдову... вот только откуда платье взяла?

Или знала?

Готовилась?

Наверняка. И не сумела скрыть злости, услышав завещание. Неужели и вправду полагала, что Кирилл настолько наивен, чтобы оставить прежнее?

А если полагала, то...

... Нужны были доказательства. И именно желание их обнаружить, а еще то неосторожное обещание задержали Мефодия на острове. Недели не прошло после оглашения последней воли Кирилла, как Мефодий увидел женщину в белом.

В первый раз она показалась мельком. Тень в темноте коридора. Запах духов, каких-то очень старомодных, цветочных. И ощущение присутствия.

– Эй, постой, – сказал Мефодий, и звук его голоса потревожил ночную тишину дома.
В ответ раздался тихий смех и...

...Он бросился бегом, спеша догнать незнакомку, поймать, ведь коридор заканчивался тупиком. Но в тупике никого не было. Лишь старое окно было приоткрыто, и ветер шевелил занавески. Полная луна повисла прямо напротив Мефодия. Он забрался на подоконник и выглянул, понимая, что это крыло дома выходит на скалы и вряд ли незнакомка повисла с той стороны окна.

Никого.

Пустота.

Озеро почти спокойно. Мелкая рябь тревожит лунную дорожку.

А в воздухе витает все тот же цветочный запах.

– Эй ты, – Мефодий глубоко вдохнул и сосчитал до десяти, приказывая себе успокоиться. В конце концов, призраков не существует! И значит, кем бы ни была женщина в белом, она где-то рядом... аферистка? Актриса? – Покажись. Я тебя не обижу.

Тихий смех был ответом.

– Сколько тебе заплатили?

Много, если согласишься поучаствовать в подобном представлении дважды! Должна же была понять после смерти Кирилла, сколь дурно пахнет эта затея.

– Я дам больше. Вдвое.

Молчание.

Цветочный аромат тает. И ощущение чужого присутствия, взгляда, исчезает вместе с ним.

– Послушай, – Мефодий прижал ухо к стене. В старых домах всегда есть свои тайны, правда, обычно весьма материальные. – Если тебя шантажируют...

...Мало ли, вдруг девчонку втянули обманом, сказали, что подшутить хотят, но шутка зашла чересчур далеко?

– Я обещаю защитить. Никто тебя не тронет...

Тишина.

И понимание, что женщина в белом ушла.

А простукивание стены не дало результатов – если и имелся в ней тайный ход, то скрыт он был хорошо. Уснуть не удалось, а бессонная ночь не пошла на пользу.

– Дядя Федя, погано выглядите. – Гришка, мелкий гаденыш, не преминул заметить. – Не спалось? Что случилось? Спина? Или к вам тоже призрак пожаловал?

Он сидел, откинувшись на спинку стула, забросив ногу за ногу, и вилку в руках этак небрежно вертел.

– Гришенька! – востропнулась Софья и уставилась на Мефодия немигающим змеиным взглядом. – Ну зачем ты так шутишь? Ты же знаешь, что я призраков боюсь.

– Призраков не существует, – Мефодий взгляд выдержал.

– И дамы в белом? – Гришка не собирался отступать. Знает что-то? А ведь его комната в том коридоре. И с незнакомки стало бы спрятаться...

– И дамы в белом, – с вымученной улыбкой ответил Мефодий.

– А по телевизору сказали, – начала было Стася, но, столкнувшись с ледяным взглядом Греты, стусевалась и почти шепотом добавила: – Что призраки – это энергетическая аномалия.

– Действительно, – Грета все еще носила черное, демонстрируя глубину своей скорби. – Если уж по телевизору сказали, то так оно и есть!

Ее губы дрогнули, растягиваясь в подобии улыбки.

Гадюшник. Как есть гадюшник!

– Мефодий! – Грета повернулась к нему, смерив насмешливым взглядом. – Мне кажется, ты слишком усердно взялся за дело. Тебе не помешал бы отдых.

Надо же, а когда-то он был влюблен в эту женщину!

В девушку с черными кудрями, которые она подвязывала расшитой лентой. А лента съезжала и в конце концов падала, отпуская кудри на волю. Та девушка умела и любила смеяться. Она запрокидывала голову и руки раскрывала, словно желая обнять весь мир, кружилась, приплясывая. И синяя длинная юбка поднималась, обнажая узкие щиколотки.

Та девушка носила гроздь бус и длинные серьги из кораллов, не думая о таких абстрактных вещах, как дурновкусие, хорошие манеры... положение в обществе.

Она выбрала Кирилла.

А Мефодий сбежал от чужого счастья. И вернувшись, застал лишь осколки.

Куда что подевалось?

– Мы могли бы прогуляться, – сказала Грета, потягиваясь.

– Тетушка, – мелкий поганец снова влез в разговор. – Неужели вы рассчитываете оживить старые чувства?

– Не твое дело, – рявкнул Мефодий, чувствуя, что еще немного – и сорвется.

Гадюшник.

Но он слово дал Кириллу.

– Ну... почему не мое. Вот поженитесь вы, – мелкий поганец отложил вилку и локти поставил на стол, наклонился, упираясь острым подбородочком в скрещенные руки. – Поженитесь... детишек нарожаете.

При этих словах Грета скривилась.

– И забудете упомянуть меня в завещании. А я ведь родственник. И рассчитываю на справедливость.

– Гришенька! – охнула Софья. – Что ты такое говоришь?

– Правду, мама. Ну вот посмотри на нее, она же сейчас из платья выпрыгнет. И выпрыгнула бы, если бы помогло. Только дядя Федя у нас отшельник. Или этот... как его... которому женщины не интересны.

Поганцу нравилось проверять нервы окружающих на прочность.

– Дело в том, маменька, – поганец сморщил аристократический носик, – что нас с тобой прокатали. Кто бы мог подумать, что папаня возьмет и о единственном ребенке позабудет?

И в который раз при этих словах Мефодий испытал глухое раздражение.

Ребенок?

Да. Анализ проводили трижды.

Но несмотря на общую кровь, в мелком поганце не было ничего от Кирилла. Разве что светлые волосы, которые Гришка отращивал, полагая, что это придает ему шарма.

Он тощий. Нескладный, как аист-переросток. Сухощавый и, по собственному мнению, которое горячо поддерживала Софья, полон исключительных достоинств.

– Как это вышло, что он взял и все отписал дядьке?

Вопрос мучил всех. И Софья, вздохнув, потупилась. А Грета поглядела на мальчишку с интересом.

– Полагаете, я подделал завещание? – Мефодий понял, что близок к срыву.

– Ну что ты, дядя Федя! Мы думаем, что завещание было настоящим, но... Странно, что написано это завещание за два дня до смерти.

– Ты...

– А еще, – Гришка поднялся и потянулся. – До твоего появления папочка не был замечен в пьянстве.

Огромным усилием воли Мефодий заставил себя сидеть.

Поганец!

Просто поганец. И руки о него марать не стоит. Дерьмо ведь... тронь, и совсем развоняется.

– Дядя Федя, – у дверей Гришка обернулся. – Вы уж будьте более предусмотрительны. Позаботьтесь о единственном племяннике.

Он отбросил с глаз светлую челку.

– А то мало ли, помрете еще, и что нам с маменькой делать?

Звонкий Гретин смех был последней каплей. Вскочив, Мефодий вышел из столовой... гадюшник. А ведь все когда-то людьми были. Что с ними стало?

И все-таки Машка опоздала.

Ненадолго – десять минут всего, но... в глазах светловолосой женщины в строгом костюме эти десять минут были «целыми десятью минутами», временем, потраченным впустую.

– Опоздания недопустимы, – сказала она скрежещущим голосом. – Ваш внешний вид также оставляет желать лучшего. Вы похожи на...

Она ненадолго замолчала, подбирая сравнение, но не подобрала.

– Извините.

Машка присела на краешек кресла.

Собеседование можно было считать проваленным, но она привыкла идти до конца.

– Ваше резюме впечатляет, однако, насколько я понимаю, – женщина положила холеные руки на папку, в которой, надо полагать, и находилось то самое, Машкино резюме, – опыта работы у вас нет. И это плохо.

Машка знает. Опыт работы требовали все, но откуда ему взяться, если этой самой работы для Машки не находилось?

– Обычно мы стараемся не связываться с новичками, но... – Пауза и скептически приподнятая бровь. – Вас рекомендовал весьма достойный человек, поэтому мы готовы пойти навстречу.

Сердце замерло. Неужели у Машки все-таки появится работа?

– Но вы должны понимать, что если вам откажут от места, то... – Снова пауза и брови приподымаются, отчего женщина в костюме приобретает неуловимое сходство с донельзя удивленной совой. – Второго шанса вам никто не даст.

Хотя бы первый дали! Машка его не упустит.

– Вы указали, – розовый ноготок постучал по папке, – что не возражаете против удаленной работы.

– Не возражаю, – Машка замороженно смотрела на этот ноготок.

Неужели у нее получится?

Ей всегда не везло, но сейчас... вдруг высшие силы решили, что Машка уже выбрала лимит невезения? Или просто смилостивились?

– Замечательно, – женщина улыбнулась так, что Машка смутно заподозрила неладное. – В таком случае, уже с понедельника вы можете приступить. Вот.

Она подвинула папку Машке.

– Читайте.

Контракт на два месяца. И составлен так, что Машка с трудом продирается сквозь хитросплетения юридических формулировок.

– Мефодий Аристархович – наш давний и уважаемый клиент, – женщина откинулась на спинку кресла. – И мы очень надеемся, что он останется доволен вами.

Какое ужасное имя, и Машкино воображение, которое Галка считала слишком уж живым, тотчас нарисовало толстого старика с залысинными и козлиной вострепанной бородкой.

Зачем такому репетитор?

– Заниматься предстоит с его племянником, – продолжила женщина, которая так и не удосужилась представиться.

С племянником? Уже проще. С детьми Машка ладила, вне зависимости от возраста.

– В следующем году юноше предстоит поездка в Великобританию. Возможно, он останется там надолго. Мальчик талантлив... и вы должны понимать, что обратной стороной любого таланта является некоторое... своеобразие характера.

Значит, нрав у подопечного непростой.

– Вместе с тем в его жизни не так давно случилась трагедия, – женщина коснулась ноготком края глаза. – Его отец погиб. Поэтому постарайтесь проявить немного такта и понимания.

– Конечно, – сказала Машка.

– Что до остального, – женщина указала на контракт, – то ваши обязанности и жалованье указаны. Единственное условие: жить вам придется на острове.

На каком острове?

– Вам будут предоставлены личные апартаменты в доме. Шесть дней в неделю рабочих. Один – выходной. Плата за питание и проживание не взимается. Если вы выдержите испытательный срок, то будет заключен другой контракт. И ваше жалованье увеличат.

Сумма, указанная в бумагах, и без того была почти запредельной.

– Если вы согласны, – женщина открыла ящик и вытащила желтый конверт, – то вот аванс. И билет до Кричевки, на станции вас встретят.

Аванс... у Галки опять последние копейки в кошельке звенят. А она младшую хотела отправить в санаторий, и старшему надо учебники купить, потому как репетиторов ему нанять не получится, но он и сам неплохо справляется. И Машка, разом отодвинув все сомнения, поставила размашистую подпись. В конце концов, что такое два месяца? Не съедят же ее!

– Дура ты, Машка, – сказала Галка, разбирая курицу.

– Дура! – поспешно подхватила младшая, за что получила заслуженный подзатыльник. Она скривилась, готовая расплакаться, но передумала, забилась в угол между холодильником и стеной. Подслушивать будет.

– Почему? – Машка от обиды уронила очищенную картошку не в кастрюлю с водой, а в мусорное ведро.

– По кочану, – буркнула Галка и, вздохнув, пояснила: – Клиент важный? Важный. Деньги платит хорошие?

– Очень.

– Да еще и аванс дает... и что ж на этакий жирный кусок не нашлось желающих? Или думаешь, что у этой твоей гримзы знакомых нет на такое теплое местечко?

В словах сестры имелся резон.

– Ну...

– Гну, – оборвала Галка, щедро посыпая куски курицы приправой. – Сама подумай: они берут девочку почти что с улицы и с ходу подсовывают выгодный контракт.

– Но отказаться я не могу...

И работа нужна, как ни крути. Даже если клиент попадется с претензиями...

– Еще и из города увозят. На остров. Ты хоть понимаешь, что деваться тебе с этого острова некуда будет? А если тебя там... – она покосилась на младшую и рукой махнула, мол, сама поймешь. И вот как-то нехорошо стало на душе после такого Галкиного предположения. Кто знает, что понадобится этому Мефодию Аристарховичу на самом-то деле?

– Если что, – Машка решила не отступать – в конце концов, она уже подписала контракт, – я тебе позвоню... пожалуйюсь.

И Галка со вздохом повторила:

– Дура ты, Машка, ой дура...

Вид бумаг вызывал отвращение. И Мефодий просто сидел в кресле, упершись обеими руками в виски. Долго сидел. И лишь стук в дверь – надо же какая вежливость – вывел его из задумчивости.

– Можно? – в щель проскользнула Софья.

Переделась. На лиловой хламиде, скрывавшей пышные формы ее, сверкали бисерные бабочки. На внушительном бюсте Софьи возлежало ожерелье из синих и желтых стразов, а запястья украшали массивные браслеты, скорее напоминавшие кандалы.

– Федечка, ты не занят?

Она прихорашивалась. И рыжеватые волосы с потемневшими корнями зачесала наверх, пытаясь добавить себе роста. Припудрила круглое лицо, наложила тени, и глаза подвела черным карандашом.

– Федечка, – она приближалась бочком, и пухлые пальчики перебирали камни ожерелья. – Ты же не сердись на Гришеньку? У мальчика просто период такой...

– Мальчика просто пороли мало.

Гнев отступил, и остался стыд – все-таки позволил гаденышу вывести себя из равновесия.

– Он совсем не думает, что это ты убил Кирилла.

Слово было произнесено.

– А кто тогда?

Софья отвернулась к окну, и лицо ее вдруг утратило обычную свою сдобную мягкость, которая столь раздражала Мефодия.

– Ну же, Софи, ты сама сказала про убийство, – Мефодий поднялся и подошел к ней.

Духи.

Цветочные. Такие знакомые. Ненавязчивые, хотя и вылила на себя Софья полфлакона.

Она?

Мефодий попытался представить Софью, разгуливающую по ночам в белом балахоне. Вот она мелькает и исчезает... нет, не складывается. Как-то не хватает его воображения на то, чтобы обрядить ее в одежды призрака. Тяжеловесным выйдет привиденьице.

– Да, – она вдруг выдохнула и сжала кулачки, словно решила. – Я не думаю, что Кирочка сам утонул. Он всегда был очень... благоразумным.

Глаза у Софьи ярко-зеленые, ведьмины.

– Можешь мне не верить, но я действительно его любила. Его одного... – слипшиеся ресницы дрогнули, и по пухлой щечке Софьи покатились слезы. – А он любил меня... недолго. Тебе ведь интересно было, что он во мне нашел? Всем интересно. Конечно, Кирилл и я... это же смешно! У него Грета есть. Красавица.

Последнее слово Софья произнесла злым свистящим шепотом.

– Только что от ее красоты? С-стерва она. – Софья отвернулась и подошла к окну; она уперлась обеими руками в створки, попыталась открыть, но не смогла. И до шпингалета, запиравшего окно, не дотянется. – Если хочешь знать...

Не хочет.

– Я была его секретарем, – Софья обернулась и глянула с вызовом. – И да, я не всегда выглядела вот так... после родов располнела. Гормоны.

И булочки, до которых Софья большая охотница. А еще мороженое. Эклеры со взбитыми сливками. Рахат-лукум, халва и шоколадные конфеты. В ее комнате стоят десятки вазочек со сладостями, которыми Софья успокаивает нервы.

– И да, это пошло, роман между секретаршей и начальником, но... ты же понимаешь, как мне было устоять? Кирилл... – Ее взгляд затуманился. – Он долго меня не замечал, а я уговаривала себя, что из нашей связи ничего хорошего не выйдет. Он ведь женат. Нехорошо крутить романы с женатыми! Так вот, Федечка, были и у меня моральные принципы. Только рухнули они, когда Кирочка в очередной раз с этой стервой поссорился. Ты знаешь, что она

аборт сделала? И делала, оказывается, не раз. Не хотела фигуру портить... обычно молчала себе, но тут вдруг попала вожжа под хвост, она и вывалила на Кирочку правду.

О подобном Кирилл не рассказывал, но Мефодий представлял, сколь болезненно он воспринял подобную новость.

– Тогда он был вне себя...

– А ты оказалась рядом.

– Да. Осуждаешь? – Она повернулась к Мефодию и руки на груди скрестила, словно заслоняясь от взгляда.

– Нет.

Она была взрослой. Брат тоже. И то, что происходило между ними, Мефодия не касалось. Более того, если Грета уже тогда была такой, как сейчас, странно, что роман случился так поздно.

– Мы встречались около месяца... чуть больше... а потом выяснилось, что я беременна. И я решила рожать. Не рассчитывала на его помощь, но... как я могла убить ребеночка?

Ее голос стал тонким, визгливым.

Ложь.

Не в том, что касается беременности.

Скорее уж, Софью перестал устраивать статус любовницы. Да и Кирилл, видимо, начал тяготиться романом. Он не был любителем тайных встреч. А ребенок – удобный поводок для любовника. И залог будущего безбедного существования.

Может, Софья рассчитывала и на колечко и предложение. Свадьба. Фата. Голуби... и статус хозяйки дома. Вот только Кирилл не был готов к подобным переменам!

– Да, он обещал о нас заботиться. Квартиру купил.

И платил весьма неплохие алименты. Однако Софье этого оказалось мало. И однажды она потребовала, чтобы Кирилл взял сына в дом. Ребенку ведь отец нужен. У мальчика характер сложный...

– А дальше ты знаешь, – завершила Софья свой рассказ и, проведя мизинцем по губе – на помаде остался след, – добавила: – Она его убила.

– Грета?

– Кто еще? Он собирался ее выгнать. Он сам сказал Гришеньке.

Гришеньке верить можно было раз через два.

– Она ненавидела его за то, что он признал сына, – Софья вскинула голову, и два подбородка ее приподнялись. – И за то, что не желал мальчика матери лишать.

Это да, Грета люто ненавидела парочку, но чтобы убить Кирилла...

– Гришенька упомянул, что Кирочка собирается завещание изменить. При ней упомянул. Вот она и поняла, что ее вычеркнут. И поспешила избавиться... только не успела... мы теперь все от тебя зависим. Скоро ты выставишь нас с Гришенькой из дома.

Софья всхлипнула и уставилась зелеными глазами, ожидая клятвенного опровержения. Кирилл так бы и сделал, но Мефодий из другого теста сделан. Даже если и выставить эту парочку – а лучше бы всех разогнать, – они не окажутся голыми и босыми. У Софьи есть куда идти. Небось трехкомнатную квартиру, подаренную Кириллом, она не продала. И алименты, что брат платил, лежат в банке. Софья предпочитала тратить деньги Кирилла, а то, что считала своим, откладывала.

– Молчишь, – с упреком сказала она. – Молчи... мы примем любое твое решение.

– Софья, давай без концертов?

Вздыхнула.

– Если у тебя все... мне работать надо.

– Не все, – она капризно выпятила губу. – Ты ведь встретишь репетитора?

– Кого?

– Репетитора, – повторила она по слогам. – Или забыл? Для Гришеньки. Ему надо поработать над своим английским.

За последний месяц гаденыш сменил пять репетиторов, и Мефодию казалось, что эту тему уже закрыли.

– Мне позвонила Ларочка. Она нашла новую девочку, которая согласилась приехать. Правда, сказала, что та молода, но... это же к лучшему? Легче найдет общий язык с Гришенькой. И не будет к нему так предвзято относиться... – Тонкий голосок Софьи проникал под череп, ввинчиваясь прямо в мозг. И Мефодий тряхнул головой, пытаясь избавиться от призрака головной боли.

– Встречу, – пообещал он, понимая, что это – единственный способ заставить Софью замолчать. – Послезавтра...

...Вряд ли эта девочка продержится дольше недели.

Машка сидела на пристани, прижимая к груди баул с вещами, и тихо проклинала все на свете.

Мелкий дождь, что зарядил с утра. И старый зонт, который под порывами ветра качался, выворачивался и болезненно скрипел. Собственные волосы, от повышенной влажности завивавшиеся мелким бесом, и строгий костюм, за время поездки утративший всякую строгость.

На светлых брюках возникло пятно, причем на самой коленке, и Машка, сколько ни силилась, не могла вспомнить, каким же расчудесным образом это пятно появилось.

Вот появилось, и все тут.

Новые ботинки натирали.

В желудке урчало и вспоминались бутерброды, которые сделала заботливая Галка, а Машка не стала их есть. Волновалась сильно. Сейчас волнение сменилось здоровой злостью: прибыла Машка вовремя, но на пристани ее не ждали. И тогда она, присев на старую скамеечку, решила ждать сама.

Вот и ждала.

Второй час уже.

Дождь прекратился, и небо прояснилось, но с озера дул ветер, и Машка продрогла до костей. С ее-то везением эта поездка всенепременно простудой обернется! В носу вон уже хлюпало.

Машка потеряла его ладонью, убеждаясь, что нос, как она и подозревала, холодный.

И что ей делать?

Дальше ждать? Отправляться домой? А потом? Машка вспомнила контору и ту светловолосую женщину, перед которой предстоит отчитываться. Живо вообразила презрение в ее взгляде и ледяной тон. Мол, Машка с элементарным заданием справиться не сумела. Подвела коллектив и вызвала гнев важного клиента... А она что, виновата, что этот клиент, по всей видимости, забыл о Машкином приезде?

Она вздохнула и огляделась, хотя смотреть было особо не на что.

Озеро, огромное, сизо-серого грязного цвета. Пена на прибрежных камнях. Осклизлые сваи старой пристани. Сарай для лодок. Раздолбанная дорога, которая уходила к леску, видневшемуся в отдалении. И где-то там скрывалась автобусная остановка. Впрочем, от нее остался символический столб и сваи, на которых когда-то держалась крыша.

Мерзко.

И автобуса в ближайшем будущем не предвидится... Автобусы – Машка узнавала – ходили дважды в сутки, утром и вечером. На утреннем она приехала и при всем своем желании уехать не сможет. А пешком до города далеко. Она все-таки поднялась и прошла вдоль берега.

– Это ни в какие ворота не лезет, – проворчала Машка, стряхивая с волос капельки дождя. – Я им что, собака? Или...

Договорить она не успела: на серой глади озера появилась черная точка. И точка эта стремительно приближалась, увеличиваясь в размерах.

Неужели все-таки вспомнили?

И как ей реагировать?

Сделать вид, что ничего такого не произошло? Что она в принципе привыкла ждать? А промокшие ноги и озябшие руки – это так, жизненные мелочи?

Машка подошла к баулу и вцепилась в ручку. Ей вдруг стало не по себе, вспомнились Галкины опасения, которые больше не казались надуманными. И собственные Машкины страхи ожили. А вдруг нет никакого ученика? Вдруг это все – выдумки? Зачем? Чтобы завлечь Машку на остров, а там... она же видела по телевизору, что бывает с молодыми неосторожными девушками? Вдруг ее продадут...

Чушь!

Пока Машка справлялась с собственными страхами, катер достиг берега. Человек в нем заглушил мотор и подвел катер к пристани.

– Мария Прошкина? – крикнул он, и собственная Машкина фамилия прозвучала более нелепо, нежели обычно.

– Да.

– Забирайтесь. Я спешу.

Вот тебе на! Вообще, поздороваться мог бы. И извинения принести, а заодно выбраться из катера и помочь с вещами. Но тип явно не собирался демонстрировать хорошие манеры. И, приподняв баул, Машка вдруг разозлилась. Да кто он такой? Небось тоже из прислуги. Шофер. Ну, или водитель катера. А если так, то они с Машкой на одной ступени стоят, и нечего ей хамить.

– Вы мне не поможете? – вежливо поинтересовалась она и, нацепив на лицо дежурную улыбку, сказала: – Чемодан очень тяжелый.

Тип окинул Машку задумчивым взглядом и все-таки выбрался из катера. Он оказался высоким и широкоплечим, светлые волосы были острижены неровными прядями, и пряди эти на макушке выгорели. Кожа типа имела темно-красный оттенок, который появляется, если много времени проводить на солнце. А вот глаза были серыми, яркими.

– Спасибо, – Машка опять улыбнулась, но тип решил придерживаться исходного мрачного реноме.

– Пожалуйста, – буркнул он. – Что у вас там?

Баул и вправду был почти неподъемным.

– Книги, – честно ответила Машка. – Учебники. И диски.

– Могли бы оставить дома. У нас есть все необходимое. А чего нет – скажете, купим.

Подняв баул, он развернулся и бодро зашагал по пристани. Машке осталось только следом тащиться. Она пыталась идти красиво, от бедра, но каблучки ботинок то и дело попадали в щели настила, да и сам он оказался скользким, неустойчивым. Доски скрипели, Машка покачивалась. А тип, добравшись до катера, попросту скинул Машкин баул вниз.

– Что вы...

– Руку давай, – но почему-то сам взял Машку за талию и бросил: – Не верещи!

Ну, хотя бы в отличие от баула, Машку ссадили в катер аккуратно. Только лодочка ей показалась на редкость неустойчивой. И маленькой.

Выдержит ли?

Похоже, у типа сомнений не было. Он спрыгнул в катер и, окинув Машку насмешливым взглядом, бросил:

– Не бойсь, довезу с ветерком.

И ведь сдержал слово!

Взревел мотор. И катер понесся по серой озерной воде. Летели брызги из-под винта, скользили тени навстречу, и Машка, чтобы не завизжать от ужаса, вцепилась в борт обеими руками. Хоть бы спасательный жилет предложил, что ли... ну просто на всякий случай.

– Да не дрожи ты так, – тип соизволил обернуться. – Все нормально будет. Пять минут – и мы на месте.

– Лучше десять.

– Почему?

– Чтоб не так... быстро. – Машка сглотнула и строго велела себе успокоиться. Не хватало еще трусихой прослыть.

А тип вдруг рассмеялся.

– Боишься?

Отрицать очевидное было глупо, и Машка созналась:

– Очень. Я... плавать не умею.

– Упущение, – согласился он. – Ничего, если захочешь – научишься. Расслабься, чудо кучерявое. Здесь еще никто не...

Он вдруг осекся и помрачнел. А катер, слабо заворчав, сбавил-таки ход.

Вот странно-то! Несколько минут прошли в тягостном молчании. Берег давно скрылся из виду, а другой, как Машка ни шурилась, не спешил появляться. И небо вновь тучами заволокло, того и гляди хлынет дождь.

– А дом действительно на острове стоит? – спросила она, нарушив молчание. Тип, который задумался о своем, вздрогнул. Обернулся и кивнул:

– Да. На острове.

– А почему?

– В каком смысле?

– Ну... в обыкновенном. Зачем кому-то понадобилось строить дом так далеко от... – хотела сказать «цивилизации», но передумала. – Странно просто. Обычно стараются поближе к городам... к людям...

– Ну, людей тебе хватит. – Тип странно усмехнулся. – Это я обещаю!

От его обещания почему-то легче не стало. А на вопрос он так и не ответил.

– Смотри, – сказал он.

Белая линия горизонта раскололась, и серое небо отделилось от серой же воды. Два холста и черная монета острова между ними. Он выплывал медленно, тенью, призраком, который по мере приближения обретал плотность и краски.

Сине-зеленые стеклянные скалы поднимались из воды. И озерная гладь морщилась, шла мелкой волной, которая, добравшись до берега, разбивалась о него. Вода кипела брызгами.

– Дом старый. – Тип любовался местом, и даже голос его помягчел. – Ему лет триста... хотя от того старого разве что стены и фундамент остались. Мой брат купил. Восстанавливал...

Брат? И значит, этот, в кожанке, все-таки не из прислуги.

– Красиво, – согласилась Машка.

Дом стоял на вершине холма. Издали он казался белоснежным, невыносимо ярким.

– Хотя как по мне, так сущее безумие, – проворчал тип.

И все-таки неплохо было бы, если бы он представился. Попросить? Как-то неудобно...

Катер причалил к пристани, куда более новой, чем та, с которой Машка отправлялась. Зааркавив один из столбиков, пристань поддерживающих, тип подтянул катер к причалу и велел:

– Выходи.

Машка выбралась со всем возможным в данной ситуации изяществом, хотя подозревала, что со стороны она выглядит более чем нелепо. И тип за спиной хмыкнул. Он-то выскочил на деревянный настил легко и ее тяжеленный баул нес одной рукой.

– Нам туда, – сказал он и показал на мощенную желтым камнем дорожку, которая уходила в сторону холма. – И поспеши, а то сейчас накроет.

С востока стремительно, словно желая нагнать ускользящий солнечный свет, летела буря. Похолодало резко, и быстро потемнело.

– Ну, побежали? – Тип схватил Машку за руку и дернул. – Давай, красавица, а то сдует... знаешь, какие здесь ветра?

Машка не знала и желанием узнать не горела. Она побежала, и треклятые новые ботинки, успевшие промокнуть, разбухшие, сдавили ноги.

– Поспеши, – повторял тип.

И Машка спешила, как могла. Спотыкалась. Едва не падала – вот была бы потеха, явиться пред очи работодателя после купания в луже, – удерживалась на ногах исключительно благодаря странному своему сопровождающему и снова бежала.

А дорожка была бесконечной. Она поднималась в гору, мимо старых деревьев, ветви которых шевелились, словно щупальца. И сами деревья гудели, грозя упасть. Стоило выбраться на вершину холма, как порыв ветра едва не сбил Машку с ног.

– Я же говорил, – голос типа слился с гудением грозы. Сверкнула молния, расколов небо пополам, и иссиня-черные гривы туч опутали блеклый шар солнца. – Сейчас...

Грохот грома оглушил.

Машка даже присела в ужасе, хотя никогда не боялась гроз. Наверное, просто не видела вот таких, настоящих. Откуда-то издалека донесся женский визг, который заставил Машку вздрогнуть, а следом раздался хохот.

– Твою ж... – Тип бросил чемодан и, обняв Машку обеими руками – она попыталась вырваться, но безуспешно, – поволок к дому.

– А вещи...

Дождь рухнул на землю сплошной водяной стеной, серой, непроглядной.

Одежда вымокла в мгновение ока. И Машка едва не захлебнулась. Стало темно. И страшно, словно она и вправду попала на дно озера. Куда идти?

Дом, уже близкий, вдруг потерялся.

– Спокойно. – Тип шел быстро, рассекая водяные стены. И Машка, перестав отбиваться, схватила его за руки. – Все хорошо. Это просто гроза. Тут такие бывают... а бывает и еще хуже.

Теперь голос его звучал мягко, успокаивающе.

Хуже? Куда уж хуже?

Машка промокла до нитки. И продрогла. И вообще хотела оказаться дома, на крошечной кухне, где вновь зацветает Галкина герань и тихо ворчит старый холодильник.

– Стой, – руки, державшие ее, разжались. – Подожди минутку. Я сейчас.

Тип даже куртенку Машкину одернул.

А потом исчез в зыбком мареве дождя. Шаг – и его не стало.

– Эй... – Машкин голос захлебнулся в звуках. Гремел ветер. И гром рокотал. Молнии разрисовывали небо. И казалось, что еще немного, и оно, устав держать тяжелые тучи, рухнет, раздавит под тяжестью и Машку, и сам этот нелепый островок.

Надо успокоиться. Подумаешь, гроза... буйство стихии и все такое. Машка ведь не ребенок, чтобы гроз бояться!

Тем более со стороны.

Только сейчас Машка сообразила, что стоит под крышей. И обернулась.

Дверь. Массивная. Резная. На тяжелых петлях. И бронзовый молоточек, к ней прикрепленный, смотрится вполне уместно. Значит, тип принес ее к дому? И что делать? Его ждать?

Или постучать? Машка потрогала влажное дерево. И стену, что с близкого расстояния не выглядела белой, скорее светло-серой. Камень как камень. Обыкновенный даже.

Порыв ветра выдул остатки тепла.

И рука сама потянулась к молоточку, но в последний момент Машка ее отдернула. Неужеливо как-то... надо дождаться сопровождающего, он ведь обещал вернуться. Но время шло, а тип не появлялся.

Было холодно. И жутко.

Где-то рядом вновь раздался взрыв хохота, совершенно безумного, заставившего Машку отпрянуть к стене. Ветер это? Ветер может стонать, но чтобы смех... хохот оборвался, сменившись всхлипом. И плакали совсем рядом. Стоит сделать шаг... не стоит делать неосмотрительных шагов.

Но Машка редко прислушивалась к голосу разума.

– Эй, – позвала она. – Здесь есть кто-нибудь?

Никого. Тишина. И снова всхлип. Плакала женщина, и так горестно, громко!

– Извините, если я лезу не в свое дело...

На крыльце пять ступенек. За крыльцом – снова дождь, обжигающе холодный. Но хотя бы ветер поутих. И плач теперь звучал отчетливо.

– Вы потерялись? – Машка оглянулась на дом, громадина которого нависала над нею. – Или что-то случилось?

Она сошла с желтой дорожки, и под ногами хлюпнула грязь. Отступить? Но как бросить человека в беде? Женщина близко, и дом рядом. Теперь, когда небо посветлело, Машка не потеряется.

– Если что-то случилось, то... – Она замолчала, продираясь сквозь пелену кустарника. Острые ветки цеплялись за одежду, царапали руки.

Хороша она будет, нечего сказать.

– Давайте познакомимся? Меня Марией звать... но меня все Машкой называют...

Белое пятно замаячило впереди.

– А вас?

Женщина стояла на стене.

Белое пышное платье, длинные волосы. Она плакала, закрыв лицо руками. Но стоило Машке приблизиться, и женщина отняла руки, распростерла их в стороны, словно крылья.

– Я...

Ее лицо походило на маску.

– Погодите!

Белое-белое лицо с черными провалами глаз. Женщина прижала к губам палец и покачала головой. Порыв ветра растянул подол ее платья, да и сама она покачнулась, расправила руки, и длинные рукава распластались на ветру. Она сама сделалась похожей на огромную страшную птицу.

– Что вы...

Машка не успела договорить: женщина вдруг покачнулась и исчезла.

– Стойте!

Машка бегом бросилась к стене и, навалившись на нее животом – лазить у нее никогда не получалось, – перегнулась, но тут же отпрянула. По ту сторону стены не было ничего.

Скала. Обрыв.

И черная вода озера, которое, расшвирипев, гнало к острову волны, точно мстило за обиду.

– Куда ты полезла, идиотка? – Машку схватили за шиворот и рывком отбросили от стены. И конечно, она упала. И конечно, упала в лужу.

– Вы... вы... – Машка задохнулась от гнева и растерянности.

Лужа была холодной. Грязной. И глубокой.

Поднявшись, Машка убедилась, что костюм ее окончательно испорчен, да и весь внешний вид... Машка бы такого репетитора на порог дома не пустила!

– Ты чего к обрыву полезла? – тип возвышался над ней и извиняться не собирался.

– Женщина, – Машка всхлипнула, вспомнив о незнакомке в белом. – Там женщина упала... спрыгнула...

– Какая женщина?

Кажется, ей не поверили.

– В белом, – ответила Машка, не в силах отвести взгляд от недовольных серых глаз типа.

А он взял и выругался.

Мышь белая. Синеглазая.

Робеющая под насмешливым взглядом Греты, которая с трудом смех сдерживает. И мышь сутулится, переступает с ноги на ногу, вздыхая громко.

Машка.

Не Мария, и уж точно не Мария Ивановна, но именно Машка, бестолковое создание, которому выпала нелегкая судьба обучать гаденьша английскому.

– Это Маша, – решил представить мышь Мефодий. – Мы немного под дождь попали. Сами знаете, какие здесь грозы.

– Ужасные! – подхватила Софья, которая разглядывала мышь с недоумением.

– Грозы ужасные, лужи глубокие... – Грета все же рассмеялась. – Феденька, ты ее что, за волосы волок?

– Я упала, – тихо произнесла мышь.

– Милочка, – холодный взгляд Греты резанул по ней, заставив отпрянуть. – Вас никто не спрашивает. Будьте добры усвоить сразу: в этом доме прислуга не вступает в разговор с хозяевами.

– Это с тобой, что ли? – Софья все же приняла решение. – Не слушай ее, милая. Грете нравится выдавать себя за хозяйку. А на самом деле...

– Что на самом деле?

Ссора закипала. И мышь с несчастным видом повернулась к Мефодию, словно у него искала поддержки. А ведь девчонка промокла до костей, и трясется она не столько от страха, сколько от холода. В синих глазищах – недоумение и обида. Другой встречи ожидала?

Пусть погодит немного. Мефодий хотел кое-что прояснить.

– Грета, а почему у тебя волосы мокрые? – спросил он.

– Что?

– Волосы, спрашиваю, почему мокрые. И у тебя Софочка? Вы что, вместе душ принимали?

Софья фыркнула от такого предположения. А Грета рассмеялась.

– А что, сердишься, что тебя не позвали?

– Отвечайте.

– Я плавала. А Софья...

– Я в саду была. Читала... а потом как дождь налетел...

Читала? Допустим, Софья иногда брала в руки книгу, но вот погода с самого утра не располагала к прогулкам. Лжет?

– Книга такая интересная попалась... я в беседке засиделась... а там уже небо темное... громыхает – жуть...

Точно, лжет! Поэтому и топил ложь, наворачивая поверх нее узоры из слов.

– А я в душе был, если интересно, дядя Федя, – отозвался поганец, спускаясь. Он ступал медленно, вальяжно, всем своим видом демонстрируя, что он – совершенно точно к хозяевам

относится. И вырядился же... брюки со стрелками, белоснежная рубашка под запонки, галстук и то нацепил.

Но надо же, как своевременно все решили уделить внимание водным процедурам. Только у Стаси, забившейся в угол, волосы были сухими. И что это доказывает? А ничего. Мышь никого не узнала, и выходит, что версия с нанятой актрисой имеет право на жизнь? Или действительно призрак?

Чушь. Ко всему непонятно, почему дама в белом показалась Машке. Та ведь только-только на остров ступила. И умирать, сколь подозревал Мефодий, не собиралась.

– Это Гришенька, – Софья схватила сына за руку и подтолкнула к мыши. – Вернее, Григорий. Вы будете с ним заниматься, хотя...

Она скривилась.

– Сомневаюсь, чтобы вы могли его чему-то научить.

Мефодий тоже сомневался, но по другой причине. По его мнению, поганец был совершенно необучаем.

– Гришенька очень талантливый юноша...

– Я рада познакомиться, – сдавленно произнесла мышь.

– Позже порадуешься. – Мефодий стряхнул с волос капли воды и поднял баул, ничуть не более чистый, чем его хозяйка. – Идем.

– Федя! Не по парадной лестнице же! Она...

Грязная и несчастная девчонка, и отчасти в ее неприятностях виноват Мефодий. Ну да, силу не рассчитал. Но он испугался, увидев, как эта ненормальная, перевесившись через стену, нависла над пропастью. А ведь оставил на крыльце. Она же, хлопнув длинными ресницами, стала лепетать что-то о женщине, которая спрыгнула со стены. О той самой женщине в белом, которая показывается лишь обреченным на смерть.

Но почему мышь ее увидела?

Или расчет был на другое? Допустим, актриса поджидала Мефодия, чтобы перед ним разыграть очередное представление, а появилась мышь. И что оставалось делать?

Странно.

И чем дальше, тем странней. Теперь к злости добавился азарт: Мефодий поймает эту циркачку, и тогда...

– Простите, пожалуйста, – Машка застыла на вершине лестницы.

– Что?

– Ковер, – она указала на светлую дорожку, которая укрывала пол в коридоре. – Он чистый, а я...

Грязная. Белые волосы вымокли и повисли печальными сосульками, тушь расплылась, тени потекли. И колготки на коленках порвались. Что ботинки, что серый костюм, аккуратный, хоть и явная дешевка, были покрыты грязью.

– Вдруг потом не отмоеся?!

И девчонка смотрит с такой тоской, словно уже оплатила чистку несчастного ковра из собственного кармана.

– Не отмоеся – куплю новый.

Сам Мефодий был ничуть не чище, и, честно говоря, больше всего ему хотелось остаться в тишине своей комнаты, запереть дверь от гостей, которые всенепременно объявятся, и раздеться. А потом – душ, горячий чай, можно с коньяком, и постель.

Опять до рассвета засиделся, а до победы над бумажными горами было пока далеко.

– Идем, – он взял девчонку за руку, тоненькую такую теплую руку, и удивился тому, до чего узкая у нее ладошка, а пальцы хрупкие. И ногти короткие, подпилены аккуратно.

Это Грета вечно с когтями рассекает.

А Софья пытается ей подражать. Вот только одна ногти наращивает, и в хорошем салоне, а другая предпочитает покупать накладные, дешевенькие, кислотных расцветок.

– В общем, так, дорогая моя, – Мефодий шел по коридору, прикидывая, куда бы поселить мышь. Лучше бы подальше от мелкого гаденыша, уж больно скользкий у того был взгляд. А девчонка молоденькая, наивная. Не вышло бы беды... и от Греты ее убрать надобно. У той язык, что жало.

Рядом со Стаськой? Та тихая, тише остальных, но слегка подвинута на сверхъестественном. Напугает еще, особенно прознав, что Машка видела женщину в белом.

Мефодий фыркнул: нет, вот незадача. В доме множество комнат, а новенькую поселить негде!

И все-таки он остановился перед дверью.

– Жить будешь здесь, – дверь была открыта, но с внутренней стороны имелась щеколда. – На ночь запирайся.

– Почему?

– По кочану.

У гаденыша может возникнуть новая гениальная идея, последствия которой придется расхлебывать Мефодию.

– Если я сказал запираться, то ты так и поступаешь.

Мышь кивнула.

– Вещи свои сама разберешь или помощь прислать?

– Сама, – пискнула и к баулу потянулась, словно опасаясь, что Мефодий его с собой утащит.

– Вот и умница! Сейчас переодевайся, сходи в душ...

Комната к гостевым не относилась, поэтому и санузел при ней имелся.

– Я велю подать чай... обед через час. Спустишься вниз, там со всеми и познакомишься. Машка...

Она замерла, глядя на него голубыми глазищами. Вот же чудо, хоть ты хватай ее в охапку и вывози с острова. Заклюют же!

– Никого тут не бойся, ясно? А станет кто обижать, мне жалуйся.

Но ведь не пожалуется. Такие терпят, сколько могут. А когда терпение иссякает, бегут. И Мефодий понял, что ему очень не хочется, чтобы это чудо синеглазое сбежало. Как-то вот... должен же в доме быть хоть один нормальный человек помимо него самого?

Первым делом Машка сняла одежду. Расстроилась до невозможности. Костюм-то новый, купленный специально для этой поездки. И Машке он нравился – светло-серый, из мягкой ткани, которая отнюдь не выглядела синтетикой. Сидел хорошо, она себя в нем чувствовала взрослее, солидней.

А ее в грязь.

В лужу.

Извиниться даже не соизволили. Напротив, вытащили, тряхнули, словно она, Машка, кукла, и велели молчать о женщине в белом. Дескать, примерещилось. Но Машка-то знает, что она видела!

Была женщина. Стояла на стене. А потом шагнула со стены и...

Вспомнив пропасть и кипящие воды озера, Машка вздрогнула. Выходит, незнакомка погибла? Покончила жизнь самоубийством? А этот тип, Федор, собирается скрыть?

Но как можно скрыть самоубийство? Ее ведь хватятся, той женщины. Искать станут. И тело...

Жуть!

Машка испытывала огромное желание немедленно позвонить Галке, рассказать обо всем и потребовать, чтобы Галка вызвала полицию. Ну или самой вызвать. А потом сбежать.

Стук в дверь заставил ее вздрогнуть.

– Кто там?

– Я, – ответил тип и, не дожидаясь разрешения, вошел. Машка только и успела, что набросить на плечи покрывало. Завернулась в него, как в накидку, и уставилась на типа, надеясь, что он сообразит, насколько не вовремя объявился.

– Я подумал, что нам следует прояснить кое-какие детали. – Он уже успел переодеться, и мокрые синие джинсы сменились сухими. А одна майка – другой. – Это пока вы не натворили глупостей.

– Каких?

Он догадался о Машкиных мыслях про полицию. Точно.

– Та женщина, которую вы видели, – он дернулся, словно сама тема была крайне неприятна. – Ее на самом деле не существует. Конечно, если вы не верите в призраков.

– Призраков? – повторила Машка.

– Призраков. Духов. Привидений. Полтергейстов. Всякую сверхъестественную хрень. Вы же не верите?

– Не верю.

Вообще-то Машка не то чтобы совсем не верила, но признаваться в слабости ей было неудобно.

– Вот и замечательно. Думаю, сегодня же вам расскажут местную легенду...

– Но та женщина...

– Актриса, которую наняли, чтобы попугать меня.

Машка окончательно растерялась. Тип не выглядел напуганным, скорее очень-очень злым. Да и сама шутка, кто бы ее ни затеял, выглядела... нелепо.

– И вряд ли с ней случилось что-то плохое. Там или пещера, или карниз, но мне случилось видеть и более впечатляющие трюки, – он потер щеку. – В общем, пожалуйста, не упоминайте о том, что видели.

Тип даже снизошел до того, чтобы вежливым быть.

– Не буду, – пообещала Машка.

Не то чтобы его рассказ успокоил, скорее уж появилось много вопросов, но полиция в этом доме явно была бы лишней.

– Вот и умница.

Он ушел довольным, а Машка, скинув покрывало, отправилась в душ.

Следовало признать, что, несмотря на не самую теплую встречу, поселили ее с шиком. Небольшая и уютная гостиная с декоративным камином, спальня, окна которой выходили на озеро. Гардероб. И санузел.

Горячая вода окончательно примирила Машку с жизнью. А шоколадный батончик, благоразумно спрятанный в бауле, поднял настроение на недостижимые высоты. Жизнь в целом прекрасна, а с мелкими неприятностями Машка как-нибудь да справится.

Она доедала батончик, когда в дверь постучались.

– Войдите, – сказала Машка, отчаянно запихивая последний кусок шоколада в рот.

Немолодая женщина со взбитыми, выкрашенными в ярко-рыжий колер волосами, проскользнула в Машкину комнату бочком.

– Надо же, – сказала она, оглядевшись. И повторила. – Надо же...

Взгляд ее сделался колючим, недружелюбным. И Машку она разглядывала долго, а Машка, не выдержав, разглядывала женщину. Некрасивая. Постаревшая, но отчаянно пытающаяся скрыть возраст. Пудрится без меры, и пудра забивается в морщины, отчего круглое личико кажется изрезанным трещинами.

Ресницы наклеены. Губы подведены. И помада дешевая, какого-то невероятного ярко-лилового оттенка. Впрочем, он сочетается с пластмассовыми бусами, что в три нити обвивают полную шею женщины. И горох на желтой ее блузе такого же цвета.

– Извините, – прервала Машка затянувшееся молчание. – Чем могу вам помочь?

– Я – Софья Ильинична, – женщина одернула блузу.

– Очень приятно. Мария Ивановна. – Машка всегда немного переживала по поводу своего имени, слишком уж простого, а в сочетании с отчеством и вовсе обыкновенного, скучного.

– Машенька, – тотчас переделала женщина и расплылась в притворной улыбке. – Я мама Гришеньки. Вы будете заниматься с моим мальчиком английским...

Она схватила Машку за руку, впившись в кожу длинными наклеенными ногтями.

– Я хотела сказать, что Гришенька – очень талантливый мальчик, которому нужен особый подход. Вы же понимаете?

– Да, конечно.

Машка вообще ничего не понимала, но готова была слушать. Женщина хотя бы не о призраках речь вела, а о работе.

– В последнее время он стал немного рассеян. Но такое горе... такое горе... вам говорили?

– Упоминали, – осторожно заметила Машка.

– Его отец погиб! Трагическая случайность, хотя его предупреждали. Он был замечательным человеком. Кирочка очень любил Гришеньку... и Гришенька теперь страдает. Он всегда был чутким мальчиком...

Машка слушала. Голос у Софьи Ильиничны был высоким и визгливым. И порой он больно ударял по Машкиным нервам, которые, оказалось, успели расшататься.

– Мефодий к нему слишком строг. Не специально, нет, но вы же видели этого человека...

– Когда? – вырвалось у Машки.

Но Софья Ильинична на вопрос внимания не обратила.

– Черствая натура. Совершенно не способная к переживаниям. Его даже смерть собственного брата не задела!

Если Машка видела Мефодия Архиповича, то получается... она видела двоих мужчин. И паренек, который разглядывал ее в холле, не скрывая насмешки, никак не может быть нанимателем. Тогда получается, что этот тип... этот хамоватый безумный тип... он и есть хозяин?

– На похоронах и слезинки не пролил. – Софья Ильинична, оставив в покое Машкину руку, плюхнулась в кресло. Юбка ее, сдобренная многочисленными воланами, задралась, обнажив круглые коленки. – А я так рыдала... думала, что сердце остановится.

Она прижала руки к массивной груди.

– Очень вам сочувствую, – сказала Машка, отводя взгляд и от груди, и от лиловых бус, и от рук с лиловыми, словно испачканными в чернилах, ногтями.

– Эта стерва, Грета, еще смеялась... они все смеялись над Кирочкой, и только я любила его по-настоящему... я говорила ему, что он должен уехать с острова. Что нельзя игнорировать предупреждения. Женщина в белом лишь бы кому не показывается!

– Какая женщина?

– В белом. Призрак, Машенька. Или вы не верите в призраков?

– Я... никогда прежде с этим не сталкивалась.

До сегодняшнего дня. Но язык Машка благоразумно придержала.

– Это ведь старый дом, – махнула рукой Софья Ильинична. – А какой старый дом без истории? Но вы не волнуйтесь, она показывается лишь тем, над кем довлеет рок.

Прелестно. Ничего подобного Машка не ощущала.

– Кирочка ее видел, и не единожды. А Мефодий над ним посмеялся, только, – Софья Ильинична перешла на шепот, – мне кажется, что она и ему показалась...

Если так, то понятно, отчего Мефодий просил не рассказывать о встрече. Актриса? Шутка?

Очень дурная шутка!

– Но он в жизни не признается. И еще, милочка, – тон Софьи Ильиничны вдруг изменился, исчезла из него былая сладость. – Мой вам совет, держитесь от него подальше. Страшный человек.

Неприятный, конечно, но вот чтобы бояться...

– У него... – Софья Ильинична наклонилась. Ее духи были невыносимо сладкими, и Машка поморщилась, уговаривая себя потерпеть. – У него жена умерла... утонула. Странное дело, – сочли несчастным случаем. И я, признаться, жалела его. А потом и Кирочка вдруг утонул. Тоже несчастный случай. А где один, там и другой. Понимаете?

Намек был более чем прозрачен. И Машка кивнула, показывая, что понимает и всецело разделяет опасения Софьи Ильиничны. А себе мысленно пообещала сбежать из этого ненормального дома при первой же возможности.

– Вот и ладненько. – Софья Ильинична расплылась в улыбке, которая показалась Машке насквозь лживой. – Значит, мы договорились? Вы присмотритесь к Гришеньке... будьте с ним помягче. И не опаздывайте к обеду. Грета этого не любит.

Обед подавали в огромном зале, выдержанном в зелено-золотых тонах. Должно быть, в ясную погоду здесь было красиво, но сейчас столовая производила донельзя мрачное впечатление. Узкие окна, подернутые рябью дождя, почти не пропускали света. И стены казались черными, длинный стол был слишком велик для шестерых человек. А канделябры со свечами и вовсе не уместны.

– Грета, что ты опять придумала? – Софья Ильинична появилась под руку с сыном. К ужину она переделалась в ярко-салатовое платье, отороченное желтым кружевом. Платье было длинным, и подол его касался пола. На шее Софьи Ильиничны висело массивное ожерелье с зелеными камнями, которые ярко сияли в свете свечей. Григорий рядом с матерью выглядел весьма элегантно. Машка отметила белый костюм, и темный строгий галстук, и даже бутоньерку, которой Григорий изредка касался.

Ее ученик был молод и весьма симпатичен, несмотря на несколько тяжеловесные черты лица. Светлые волосы свои он зачесывал гладко и, если Машка что-то понимала, щедро сбрызгивал лаком для волос – уж больно хорошо держалась прическа.

– Что тебе не нравится? – отозвалась брюнетка в черном платье, которое сошло бы за траурное, будь оно чуть длинней и свободней. Платье же обтягивало Грету второй кожей, подчеркивая достоинства ее совершенной фигуры. – Мне показалось, что ужин при свечах – это довольно романтично. Или ты уже не в том возрасте, Софочка, чтобы наслаждаться романтикой?

– Живой огонь отгоняет зло, – добавила тихая неприметная женщина, имени которой Машка не знала. И она, поспешив исправиться, представилась: – Анастасия, но можно Стася.

– Стаська у нас со злом борется, – заметила Грета, присаживаясь во главе стола. – Ей повсюду призраки мерещатся.

– А тебе лишь бы посмеяться, – Стася была настроена миролюбиво.

И выглядела она... обыкновенно. Пожалуй, слишком обыкновенно для такого места. Среднего роста, не полная, но и не худая, она носила серое платьице, в котором походила на старшеклассницу. Светлые волосы Стася собирала в куцый хвостик, и на лице ее застыло выражение неловкое, словно бы извиняющееся. Голос и то у нее был тихим, невыразительным.

– Ну, если есть над чем, – ответила Грета, разглядывая свое отражение в серебряной ложке. – А это, значит, очередная репетиторша? Интересно, милочка, сколько вы у нас продержитесь? Мне кажется, что недолго!

– В этом случае, – раздался знакомый недовольный голос, – Гришенька будет заниматься по учебникам. И самостоятельно.

– Феденька...

Феденька... Мефодий. Все-таки странное имя, несовременное!

– Я уже тридцать шесть лет как Феденька, – сказал он. – И повторять не собираюсь. Или твой поганец берет за ум, или вместо Британии отправится на языковую практику в село Козюлькино.

Грета вновь рассмеялась. Стася вздохнула, а Григорий, вместо того чтобы смутиться, ответил дяде прямым вызывающим взглядом:

– Дядя Федя, – он это произнес так, что стало ясно – нарочно злит. Наверняка Мефодию не слишком нравилось, что имя коверкают. – Вы опять к обеду опоздали. И в таком виде...

Снова джинсы. Майка. И пиджак с мятыми рукавами.

– Мой вид – не твое собачье дело. – Мефодий сел и похлопал по соседнему стулу, приказав: – Машка, сюда иди.

Она что, собака? Получается, почти собака. Нельзя перечить хозяину, еще выгонит... нет, Машка и сама не против убраться с острова подальше, но тогда денежный вопрос останется открытым. И прочие проблемы не исчезнут. Подавив возмущенную отповедь, она подошла и присела.

– Милое платьице, – сказал Мефодий.

– Очаровательное просто. – Грета поставила локти на стол и, подперев сцепленными пальцами подбородок, уставилась на Машку. – Шанель с китайского рынка, не иначе!

Машка поежилась. И за что эта холеная дамочка успела ее возненавидеть? Хотя... кажется, причина сидела рядом, разглядывала пустую тарелку с отрешенным видом.

– Не обращай внимания, – бросил он, – у Греты избыток стервозности с возрастом образовался. Бывает.

Ох, меньше всего Машке хотелось оказаться втянутой во внутрисемейные дразги. К счастью, подали обед, и на некоторое время в столовой воцарилась тишина. Подавала, к слову, немолодая женщина с седыми волосами, собранными в узел, и некрасивым тяжелым лицом.

– Давно пора нанять нормальную прислугу, – сказала Грета, проводив женщину взглядом. – А то эти... в дом приличных людей пригласить стыдно.

– Не приглашай, – охотно отозвался Мефодий.

– Кирочка очень ценил Наталью. – Софья сидела на самом краю стола и ревниво поглядывала на Машку. Не получилось ли так, что Машка, сама того не ведая, заняла ее место?

– Она стара и дерзит. А кухарка... мясо опять пережарено. И сколько раз повторять, что я не ем жирного!

– Не ешь, – Мефодий был на редкость миролюбив.

И Грета насупилась.

Молчание, впрочем, долго не продлилось. На сей раз заговорила Стася. Она аккуратно отпиливала от стейка крохотные кусочки, которые отправляла в рот и долго, тщательно пережевывала.

– Знаете, – она отложила и вилку, и нож. – А я сегодня видела ее! Женщину в белом.

Последние слова она добавила шепотом.

– Где? – встрепенулась Софья.

Эта ножом не пользовалась, она подцепила стейк на вилку и попросту откусывала куски, наклоняясь к самой тарелке. И Грета, видя подобные манеры, кривилась.

– Я сидела у окна, – Стася мечтательно зажмурилась. – Ждала грозу... знаете, в воздухе с утра витало предчувствие грозы... а буйство стихий всегда дает такую энергетику...

– Поближе к делу, – попросила Грета.

– Я сидела у окна. И дождь начался. Тогда я решила окно открыть.

– Дура, – пробормотал Мефодий, но, кажется, кроме Машки, его никто не услышал.
– И вот, я выглянула, желая насладиться ароматом грозы... – Стася прижала ладошки к груди. А в голосе ее прорезались зловещие ноты. – И тут в серой пелене мелькнула белая тень...

– Примерещилось, – буркнул Мефодий.

– Но присмотревшись, я увидела ее! Она стояла на стене, на той стене, где Кирилл любил отдыхать. И словно бы парила в воздухе. Поверьте, я видела ее столь же ясно, как вижу вас.

Машка не поверила бы, когда б не утренняя встреча.

– И вот она повернулась... так медленно... она посмотрела на меня, и я клянусь, что в глазах ее была печаль. А потом она взмахнула руками, словно птица, и исчезла.

– Как печально. – Грета отодвинула тарелку и встала из-за стола. – Сумасшедший дом какой-то...

Скомкав салфетку, она швырнула ее на пол. И почему так разозлилась? Не из-за рассказа же Стаси?

– Просто стерва, – Мефодий отправил в рот кусок мяса и надолго замолчал. А Стася, вздохнув, склонилась над тарелкой. Кажется, она чувствовала себя виноватой.

Этой ночью сон не шел. То ли Мефодий уже привык бодрствовать, то ли нервы сдавать начали, но он ворочался в постели, не способный найти удобное положение. То рука затекала, то спину совершенно по-старчески начинало ломить, то вдруг в голове зарождался горячий тугой шар боли.

И свет раздражал.

Вроде бы шторы плотно сомкнуты, но пробивается сквозь них серебристая лунная дорожка. Ложится она на паркет, ползет к кровати. И паркет поскрипывает, словно бы кто-то идет по этой дорожке, вот-вот доберется до Мефодия.

Проклятье!

Уже на пустом месте мерещится! Мефодий вскочил. Надо успокоиться. В конце концов, он мужик или гимназистка с трепетной душой?

Достали.

Нарочно доводят? Нет, сговориться не могли бы. В этом доме все друг друга ненавидят, и только Кирилл, наивная душа, не замечал этой ненависти.

Но призрак... дама в белом... кто додумался?

И девчонку в свои игры втянули. Она ведь и вправду что-то видела этакое, иначе не рвалась бы к обрыву, требуя немедленно «Скорую» вызвать. И спасателей. И полицию. И вообще сделать хоть что-то. Верить ему не хотела, и, взяв за руку, она рискнула заглянуть за стену, но от своего не отступилась. Насилу убедил, что никто на ее глазах не самоубился.

И все равно странно! Странность эта покоя не дает. Если ставка на него, то к чему девчонке показываться, предупреждать о скорой смерти? Она ведь только-только в доме появилась. Никого не знает... или Мефодий думает, что она никого не знает?

Репетитора для поганца искала Софья. Она же заботливо напомнила, что девчонку забрать следует, правда, опоздав с напоминанием часа на полтора – нехорошо получилось, но дело в другом. Не наняла ли Софья актрису? Стороннего и независимого на первый взгляд свидетеля?

Мефодий подошел к окну и шторы раскрыл, пусть уж луна заглядывает, если ей охота.

Свет зыбкий, расплывчатый, и старый сад, который Кирилл надеялся возродить в былом великолепии, словно бы скинул годы. Он выглядел почти живым. Еще немного, и закачаются старые яблони, раскланиваясь друг с другом...

Нет, что-то с Мефодием не то творится, определенно. Прежде подобные мысли в голову не лезли.

Но жаль, если девчонка подставная. Забавная она. Блондиночка синеглазая, наивная с виду... именно, что с виду. На Грету похожа, на ту, которая прежде была. Куда пропала?

Нынешняя Мефодию не нравится. Стерва. Ядовитая. Опасная. И не ее ли задумка? Все-таки Софья хитровата, но не сказать, чтобы умна. Грета – дело иное... рассчитывала на то, прежнее завещание, в котором все доставалось ей?

Или знала о новом, но решила, что старые чувства легко возродить?

Она самоуверенна, но не глупа. Кирилл – первый этап? А вторым – сам Мефодий? У него нет родных. И завещания он не писал. К кому все отойдет?

Племяннику.

Неприятные мысли, тяжелые, липкие, как паутина. И Мефодий, пытаясь избавиться от них, вышел из комнаты. Старый дом был полон звуков. Шелест. Скрип. Вздох за стеной, явный, живой почти. Ворчание труб. В таком месте легко поверить в существование призраков.

А кто вообще впервые о ней заговорил?

Кирилл.

Точно, Кирилл!

Он объявился в квартире Мефодия и, отобрав бутылку, вылил содержимое в раковину, а бутылку отправил в мусорное ведро.

– У меня еще есть, – сказал Мефодий. Он пил давно, но все никак не мог напиться. Забыть же если и приходило, то ненадолго, а потом возвращались память и боль.

– Что ты творишь? – Кирилл собирал бутылки, и полные и пустые, в рюкзак, выносил к мусорным ящикам, возвращался и вновь собирал.

Сколько ходок сделал? Много. И Мефодий не пытался помешать ему, им владела странная апатия. Он сидел на табурете, раскачивался и смотрел, как суетится брат.

– Я ж куплю, – заметил, понимая, что да, протрезвеет еще немного и, пытаясь отделаться от боли, спустится в магазин. Или не спустится, но доберется до телефона. В магазине Мефодия знают и на дом принесут.

Видимо, Кирилл это тоже понял и, оглядевшись, сказал:

– Ты едешь со мной.

– Куда?

Спорить желания не было. Вообще никаких желаний не было, и напивался Мефодий скорее по инерции, да еще потому, что алкоголь помогал ненадолго заснуть.

– Ко мне, – Кирилл протер грязным полотенцем грязный же стул. – Помнишь, я тебе рассказывал, что купил дом? На острове... красота невероятная. А главное, тишь, благодать... Отдохнешь месяцок-другой, а там...

– Я не устал.

– Устал, – брат сделался серьезен. – И сам не понимаешь, насколько устал. Федька, не спорь. Все равно ведь заберу!

Он и вправду всегда поступал так, как считал нужным. И откажись Мефодий ехать, что бы сделал? Напоил бы до беспамятства? Подсунул бы чаек со снотворным? Попросту скрутил бы? Не важно.

Главное, что Мефодий очутился на острове. Трезветь он начал по дороге, и похмелье, столько времени обходившее его стороной, вдруг навалилось. Мефодий помнил тошноту и привкус металла на языке. Желудок, который крутило. Слюну, что наполняла рот, и в то же время безумную жажду, утолить которую он не мог. Раскальвающуюся голову, раздражающе яркий свет, а хуже всего – бодрый голос брата.

– Дом старинный... особняк...

Слова воспринимались по отдельности, в целое не складываясь. Мефодий многое бы отдал за минуту тишины, но умолкать Кирилл не собирался.

– ...с привидениями...

– Что?

– Дом, говорю, с привидениями! Точнее, с одним призраком. – Кирилл оставил машину в городке, название которого тотчас выветрилось из больной головы Мефодия. До пристани добирались на такси. – Дама в белом.

– Какая дама?

Мефодий с неприязнью смотрел на озеро, пологие берега которого густо поросли осокой. Солнце слепило глаза, и вода была прозрачна.

Напоминала.

– Прекрасная, – Кирилл посмотрел на брата. – И ужасная одновременно. По легенде, она является тем, кому суждено умереть. Предупреждает.

Он столкнул катер в воду и велел:

– Садись.

Дама в белом объявилась спустя месяц. Мефодий был уже достаточно трезв и зол, чтобы высмеять брата. И вот теперь...

В темноте коридора мелькнула белая тень, раздался смех, тихий, призрачный.

– Стой! – Голос Мефодия потревожил ночную тишину. И тень остановилась.

Не тень – прозрачный силуэт, словно сотканный из лунных нитей. Сквозь него видна стена... и картина... и в зеркале напротив ничего не отражается.

– Ты...

Стоило сделать шаг, и силуэт расплылся, превращаясь в белое облако.

А оно растаяло.

Твою ж... что творится в этом доме?

Мефодий добрался до гостиной, заглянул, убеждаясь, что никто не скрывается в ней. Вновь тихо. Вновь пусто. И запах духов витает в воздухе, цветочный, нежный. Кто бы ни затеял игру, он четко все рассчитал. И будь на месте Мефодия человек чуть более доверчивый, он бы...

– Тоже не спится? – Грета сидела в кресле, повернутом к окну, и потому Мефодий заметил ее, лишь когда женщина поднялась.

В белом полупрозрачном халате, не скрывающем очертаний тела, она сошла бы за привидение... издали... и с очень нетрезвых глаз. Нет, Мефодий видел нечто иное.

– Что ты тут делаешь?

Она приближалась медленно, позволяя разглядеть себя. Гибкая. Стройная. Красивая, пожалуй, более красивая, чем когда-то, но...

– Тебя жду, – ответила Грета. – Поверишь?

– Нет.

– И правильно сделаешь. Просто... бессонница. Случается ведь?

Полы халатика распахнулись.

– Присядь, – Грета остановилась в шаге от Мефодия. – Поболтаем о том о сем... вспомним прошлое. Знаешь, ты изменился.

– Ты тоже.

– Хуже стала?

Что ответить этой малознакомой, по сути, женщине? Она не хуже, она просто другая.

– Ничего не говори, – она прижала к его губам палец. – Сама вижу, что хуже. Постарела?

– Нет.

– Да, постарела. Это все... – она провела рукой по лицу, по шее, коснулась груди, прикрытой кружевом бюстгалтера. – Наносное. Искусственное. Извечная женская проблема... недолговечная красота.

Грета вдруг отступила, и Мефодий против воли потянулся за нею. Она села в кресло, а ему оставила второе, стоящее напротив.

– Помнишь, как мы познакомились?

Нога заброшена на ногу, и смуглая кожа в лунном свете кажется золотой.

– Тот нелепый пляж за городом... грязный... я только представлю и вздрагиваю. Неужели я могла отдыхать там?

...Мусора на пляже и вправду было с избытком. Да и пляжем это место назвать язык не поворачивался. Старые карьеры, заполненные водой, которая летом зацветала и начинала вонять, но это не отпугивало местных. К вони привыкали.

А где еще можно отдохнуть, кроме как на этом каменистом берегу с белесой травой, которая к июлю выгорала? Приходили семьями, разводили костры, раскидывали старые покрывала, вытаскивали из сумок снедь...

– Впрочем, что это я... если бы не пляж, я бы не встретила вас. – Грета откинулась и поглаживала длинную белую шею.

...девочка в разноцветных шлепанцах. Резиновые, копеечные, они были украшены блестками, которые переливались на солнце. И сама она была яркой. Желтое платье. Темные волосы, завязанные в хвостики. Красная лента. И лента синяя. Сумка, перекинутая через плечо. И воздушный шарик на привязи. Уже не ребенок, но еще не взрослая.

– Это мое место, – сказала она, наступив на край старого пледа. – Я тут всегда загораю!

– Загорай, – отозвался Кирилл, не повернув головы.

Он уже успел поплавать и теперь обсыхал на солнце. Белая кожа его успела раскалиться докрасна, – наверняка вечером Кирилл будет вздыхать, мазать спину кефиром, и сам ведь знает, но майку не наденет.

– С вами? – уточнила девчонка, прикусывая край ленты.

– С нами, – Кирилл соизволил взглянуть на нее. – Не бойся, не обидим.

– Я и не боюсь.

Она проворно стянула платице, оставшись в стареньком желтом купальнике.

– Я вообще ничего не боюсь! Знаешь, кто мой папа?

– Понятия не имею.

Эти двое сразу нашли общий язык, а Мефодий молчал. Ему было сложно заговаривать с малознакомыми людьми, особенно если эти люди вдруг оказывались ему симпатичны. А девчонка, такая забавная, несомненно симпатию вызывала. И она, повернувшись к Мефодию, сунула ему шарик.

– Подержи. А мой отец – генерал!

Ее отец был алкоголиком, тихим и безобидным, вероятно, иной бы не выжил рядом с ее громогласной матерью. Она легко впадала в гнев, но так же легко остывала, принималась жалеть о сказанном, каяться, обниматься...

Как-то так вышло, что место на старом пляже стало общим.

И Грета – своей.

Она появлялась, сбрасывала на землю полотняную сумку, вытаскивала очередной учебник, тетрадь и изгрызенный карандаш.

– Поможешь? – спрашивала у обоих.

Помогали. С математикой. Русским. И английским тоже, хотя ни Мефодий, ни Кирилл особой любовью к языкам не отличались. Ничего, вспоминали. Учили. Вытягивали.

– Я хочу в универ поступить, – сказала как-то Грета, одной ногой почесывая другую. Босые ступни ее побелели от мела, а между пальцами застряла травинка. – Не хочу, как маман, с утра до ночи на заводе горбатиться. Вот выучусь и...

– Разбогатеешь? – поддел Кирилл.

– Разбогатею. – Грета ответила серьезно, и Мефодий ни на миг не усомнился, что она и вправду разбогатеет. Грета уже тогда отличалась редкостным упрямством.

А нынешняя... она была ко всему безразлична. Словно погасло что-то внутри. Душа? Сердце?

Ночь – самое подходящее время, чтобы о подобных глупостях думать.

– О чем размышлялся? – Грета сцепила пальцы на животе, плоском и смуглом.

Ежедневно два часа на тренажерах и бассейн.

Еженедельно – косметический салон.

Спа.

Каутеризация. Ламинирование. Иглотерапия. Фотопилинг и прочее, прочее... попытка обогнать время.

– Да так... о прошлом. – Надо было бы уйти, но Мефодий не желал возвращаться в тишину комнаты. – Скажи... почему ты выбрала его?

Ведь было время для троих, и треугольник казался устойчивой фигурой, пока однажды Кирилл, придерживав брата за локоть, не заинтересовался:

– Слушай, ты не мог бы погулять где-нибудь?

Вопрос был странен. Ведь собирались же в парк идти. Втроем. И, заглянув в глаза Кирилла, Мефодий понял: верно, втроем, и именно это обстоятельство не устраивает Кирилла.

– Ты...

– Она мне нравится, – не стал отрицать Кирилл. – По-настоящему нравится. Хорошая девочка... своя... поэтому и трачу время. Или думаешь, мне заняться больше нечем?

У него бизнес, и Кирилл готов работать, сам повторяет, что минута час бережет. А на Грету он часы тратит, не глядя. Вот, значит, почему! Сердце полоснуло странной болью. Ревность? Но кого и к кому?

– Хорошо, – ответил он.

С той поры треугольник распался. И не прошло полугода, как Кирилл заявил:

– Мы решили пожениться.

Маме, которая еще жива была, новость не слишком понравилась.

– Куда спешить? – Она всегда относилась к Грете со сдержанной вежливостью, которая не имела ничего общего с дружелюбием. – Пусть девочка доучится.

– Так замужество учебе не помеха, – весело отозвался Кирилл. – А я буду уверен, что мое от меня не уйдет.

И обнял смущенную покрасневшую Грету. Вот только учебу она бросила после третьего курса, как раз тогда, когда у Кирилла бизнес пошел... деньги появились.

И нынешняя, вспоминая себя, прошлую, улыбалась почти той, светлой улыбкой.

– Почему... сложный вопрос... ты мне нравился. Нет, Федя, честное слово, нравился! И местами больше, чем твой брат. Ты был, как бы это выразиться, – она щелкнула пальцами. – Живым. И равнодушным. Нет, я не хочу сказать, что Кирилл... но он вечно о делах, о себе... никогда не умел слушать. А ты меня слушал. И всегда помогал. Только...

Она запнулась и пожала плечами, словно ей действительно сложно было говорить о тех давних событиях.

– По Кириллу было видно, что он добьется своего. Он обречен на успех.

– А я?

– А ты... не обижайся, но ты был из тех, кто до конца жизни будут ковыряться на одном месте. Ты ведь даже не решился сказать мне, что любишь. Издали смотрел. Вздыхал. А когда Кирилл обратил на меня внимание, просто отошел в сторонку. И я подумала, что ты будешь как мой отец. И с тобой я стану, как моя мать. Я не хотела повторения.

– И выбрала его.

– Верно.

– Ты счастлива?

Нет, Мефодий не горевал и боли особой не испытывал, глядя на молодоженов, скорее уж тоску и обиду, как будто бы вдруг он стал не нужен обоим. Занятые друг другом, они попросту Мефодия не замечали. И может статься, именно эта обида толкнула его уволиться.

Выйти в дело, как выразился Кирилл.

Мама расстроилась. Она тоже не верила, что у Мефодия получится. Похоже, никто особо не верил, но, как ни странно, это всеобщее неверие придало сил и необходимой злости.

– Сейчас? – спросила Грета. – Нет, я не счастлива.

– А раньше?

– Когда-то была... давно.

– Что с вами случилось?

Почему Кирилл вдруг поверил призраку? А Грета превратилась в... это?

– Жизнь, – ответила она, усмехаясь. – С нами случилась жизнь. И с тобой тоже... но лично я ни о чем не жалею. А ты?

Мефодий отвернулся, не выдержав прямого ее взгляда.

– Я ведь видела твою жену. Она так на меня похожа. Внешне.

– Не тронь ее.

Не слышала, намотала локон на длинный палец, потянулась по-кошачьи.

– Какой она была? Тихой, верно? Домашней девочкой, которая смотрела тебе в глаза... скучной...

Мефодий стиснул зубы, сдерживая ответ.

– Она тебя любила. Как мне кажется. А вот ты... скажи, ты любил ее?

– Не твое дело.

Грета пожала плечами.

– Может, и не мое, – ответила она. – А может, и мое, я ведь слышала, что говорят. Даже здесь, Федя, в этом вот доме, хотя поверь, Кирилл крайне не одобрял эти разговоры. Но разве Софью заткнешь? Боже, она такая хабалка, что...

Леночка умерла.

Это данность, и следует смириться. Свыкнуться. Жить дальше.

У Мефодия получилось бы. Наверное, даже не появившись Кирилл на пороге его квартиры, он рано или поздно сам бы остановился. И бутылки собрал бы.

– Но я не верю, что ты ее убил.

– Спасибо, – он поднялся было, но Грета попросила:

– Не уходи! Раз уж мы так хорошо разговариваем с тобой, то грешно этот разговор прерывать на полуслове. Разве тебе не хочется прояснить все? Так сказать, раз и навсегда.

Мефодий не знал, но остался. Не ради Греты, которая приготовила уже яд, но ради себя.

– Ее тебе убивать незачем. А вот Кирилл... – Она прищурилась, и в какой-то миг лицо ее застыло. – Он в очередной раз оказался в нужном месте в нужное время. Спас тебя. Подобрал. Принес в дом... и тебя, и твое дело. Ты же не мог заниматься бизнесом? А Кирилл готов был поддержать... и поддерживал, пока ты не пришел в себя настолько, чтобы понять, что твое дело перестало быть твоим.

– Он бы вернулся.

– Конечно! Когда счел нужным. Он ведь сам должен был убедиться, что с тобой, Мефодий, все в порядке. А пока ты оставался бы здесь, под надзором. И поверь, этот надзор длился бы годами... чем не повод? Братская любовь и большие деньги. В конце концов, ты получил все.

Мефодий отметил одну странность: он не злился.

– Повзрослел, – сказала Грета, словно заглянув в его мысли. С ведьмы станется!

– Это все? – Мефодий встал. – Время позднее, Грета. Шла бы ты отдыхать.

– Не спится, – спокойно ответила она. – И тебе... знаешь, мы могли бы начать все сначала. Ты и я. Я бы даже попыталась стать такой, как тебе нужно. Смирной. Домашней...

Веселой.

Живой. С воздушным шариком на поводке. С обкусанной булкой в кармане страшной своей сумки. Булка крошилась и жирные голуби дрались за крошки.

А Грета, забравшись на спинку лавки, смеялась, кричала:

– Смотри, смотри, что вытворяют...

Нет, стать прежней у нее не получится. А нынешняя пусть и красива, но... змеи тоже красивы. По-своему. Остаток ночи прошел без снов.

Пухлый мужчина застыл у окна. Догорал закат, и силуэт мужчины словно был прорисован на желто-красном бархате.

– И ты здесь, дорогой. – Насмешливый голос заставил его вздрогнуть и очнуться. – Скажи, Витольд, чем он тебя привлек?

– А тебя, Ференц? – Мужчина, покачнувшись, не упал, удержался, ухватившись за подоконник.

– Опять надрался?

Вошедший в комнату на первый взгляд был юн и прекрасен, на второй же становилось ясно, что возраст его далек от юного, а красота поблекла. Мягкие, почти девичьи черты лица, светлые волосы и голубые удивительной чистоты глаза. Вот только нет-нет да мелькало в них что-то странное, злое.

Его же собеседник, отвлекшийся от созерцания заката, был много старше. Он не пытался скрыть ни прожитых лет, ни своей болезненности. Невысокий, он изрядно раздался в талии, и оттого казалось, что стоит ему сделать глубокий вдох, и нелепый канареечного цвета стюртук его треснет, расползется по швам, или же пуговицы оторвутся. Пышный шейный бант прикрывал короткую шею, и толстые пальцы то и дело бант тербелили. Лицо же Витольда, обрюзгшее, с поплывшими, будто растаявшими чертами, отличалось удивительной невыразительностью.

– Что ты, Ференц, разве можно, – ответил он юноше и, прихрамывая, подошел к креслу. – Так как же вышло, что здесь я встретил тебя?

– Обыкновенно. – Анна вошла стремительным шагом. – Он вновь проигрался. А кто еще согласится выплатить его долги?

– Ужасная Анна! – Ференц отвесил шутовской поклон. – Конечно, как можно было обойтись без тебя!

– Не скажу, что рада вас видеть, – Анна скользнула взглядом по гостиной, выдержанной в темно-синих тонах.

– Анна, рада, что ты приехала. – Этот голос был тих и невзрачен, как и его обладательница. Женищина в буром платье заняла место у камина. Она почти исчезла в огромном кресле, и Анна с неудовольствием, со странной ревностью отметила, что Мари ничуть не изменили прошедшие годы. Те же серые, словно пылью припорошенные волосы, то же невыразительное, с мелкими чертами, личико, на котором выделяется лишь крупная темная родинка. Платье... она всегда носила такие, мешковатые, нелепые, призванные подчеркнуть и недостатки ее, и положение.

– Разве он бы позволил ей не приехать? – поинтересовался Ференц. Он устроился в кресле вальяжно, закинув ногу на ногу, а в руке его появился бокал с коньяком.

– Анна, милая! – Витольд обнял ее, дыхнув в лицо перегаром. – Как я рад тебя видеть!

– А я уж как рада! – Анна высвободилась из его объятий, с трудом сдержавшись, чтобы не скривиться. Все-таки до чего они все здесь дошли... она сама, Витольд, Ференц, похожий

на злого ангелочка. Его изводит не совесть, но собственные пороки. И Франц мог бы не трагиться, еще немного, и Ференц уничтожит себя сам.

Мари... Мышка-Мари, извечная спутница Ольги, тень ее, которая так и осталась тенью. И, с тенями сроднившись, следит за остальными. Темные глазки поблескивают, а на лице улыбочка застыла. И Анна не без отвращения отметила мелкие, острые какие-то зубки.

Все молчат. Знают, зачем здесь собрались, но ни у кого не получилось отказаться от приглашения. Деньги на многое способны, и Франц купил. Каждого в этой комнате купил. Как игрушку.

Несчастный ребенок, который притворяется взрослым. Анна слышит его боль и... и ничего не сделает. Душа – не разбитая коленка, так просто с нею не справиться.

Молчание было прервано открывшейся дверью. И на пороге возник Франц. Все-таки изменился, и сильно. Красавец? Пожалуй, того демонического типа, который так Ольгу отталкивал. Невысокий для мужчины, он раздался в плечах, да и вовсе фигура его обрела ту внутреннюю гармонию, которая приковывает женские взгляды. Ему не нужны стуртуки с подбитой ватой плечами...

Анна покосилась на Ференца, словно опасаясь, что он догадается о ее мыслях. А Ференц смотрел на противника и кривился. Привык быть единственным, на кого смотрят? Или же просто раздражают перемены, с младшим братцем произошедшие?

Витольд вновь в полудрему впал и, кажется, появления хозяина дома не заметил. А вот Мари смотрит на Франца... жадно? Пожалуй.

Разве что не облизывается.

Франц же, окинув комнату взглядом, произнес:

– Рад, что вы сочли возможным откликнуться на мое приглашение.

Голос его, низкий, с хрипотцой, заставил Анну вздрогнуть. Возникло вдруг престранное желание прикоснуться к темным волосам, провести ладонью по щеке, стирая пятна лихорадочного румянца, обнять, прижать к себе.

Успокоить.

Не позволит. И тогда оттолкнул, а сейчас... кто она? Некрасивая, рано постаревшая женщина, которую Франц, ко всему, считает виновной. А ведь считает, иначе не позвал бы. Оправдываться? Хватит. Все, что должно было быть сказано, Анна уже сказала еще тогда. А теперь... она устала бороться.

С жизнью. С совестью.

С собой.

И если выпало ей умереть, то... быть может, в мире ином она обретет наконец долгожданный покой.

– Как можно было отказать тебе, братец? – Ференц поднялся. – Мы все очень рады встретиться вновь.

– Конечно-конечно, – подтвердил Витольд и закивал мелко, подобострастно.

А Мари ничего не ответила.

– Быть может... – Анна услышала свой голос со стороны. Неприятный. Каркающий. – Ты объяснишь нам, чего хочешь?

– Конечно, – Франц поклонился, и поклон этот был предназначен ей одной. – За ужином и объясню. Прошу вас...

За окном громыхнуло. Начинался сезон гроз и, значит, покинуть остров не выйдет. Анна подумала об этом со странной улыбкой, и очередное зеркало подтвердило, что улыбка эта была немного сумасшедшей, самую малость. Впрочем, как знать, вдруг она и вправду сошла с ума?

Если и так, то не сейчас.

Пять лет тому...

Оленька всегда была хороша. Пожалуй, она и родилась-то красавицей. Конечно, за малостью лет Анна смутно помнила те давние времена, но отчего-то ей казалось, что матушка, к самой Анне бывшая неизменно строга, увидев новорожденную, воскликнула:

– Боже, какая красавица!

Красавицей Оленьку величал и батюшка, человек холодный, раздражительный. Рядом с младшей дочерью он млеял и начинал улыбаться, при том, что, непривычное к улыбке, его лицо престранно кривилась. Оленькины нянечки обожали ее, да и, кажется, во всей усадьбе не было человека, который относился бы к Оленьке иначе, нежели с любовью и почитанием.

Пожалуй, лишь сама Анна.

О да, она изо всех сил старалась быть хорошей девочкой и любить сестру, надеясь, что тогда хотя бы малая толика обожания, которое доставалось Оленьке, перепадет и ей. Однако же надеждам ее не суждено было исполниться. Сама Анна была не то чтобы вовсе не хороша, скорее уж разительно не похожа на сестру, и матушка, когда случалось видеть старшую дочь, хмурилась.

Она и сама удивлялась, в кого же уродилась такой долговязой, с непомерно длинными ногами и руками, с локтями острыми и тощей шеей. Темноволосая и темноглазая, она казалась едва ли не цыганкой, тогда как Оленька, с золотыми ее кудрями, с очами небесной голубизны, была точной копией матушки.

– За младшенькую я не волнуюсь, – услышала Анна однажды. – Очаровательнейшее дитя! А вырастет – и вовсе расцветет. Анна же... как бы ей вовсе в старых девах не остаться! Мало того, что нехороша собой, так еще и характером прескверным обладает.

Анна обиделась.

Скверный? Вотсе нет, разве что учителя жаловались матушке на упрямство Анны, на ее склонность к злословию, на... на что только они не жаловались.

Вот сестрица неизменно похвалы собирала.

Лгунья!

Порой Анне начинало казаться, что лишь она видит истинное обличье Оленьки. Лицемерка! Хитрая, привыкшая к тому, что все-то ей дается легко, по взмаху длинноющих ресниц. И смотрит на людей с насмешкой, полагая всех вокруг глупей себя. И выходит-то, что права Оленька.

– Ты просто не умеешь жить, – сказала она сестрице, к которой относилась с некоторой снисходительностью, не видя в ней соперницы в борьбе ни за родительскую любовь, ни за свое будущее. – Ты упрямисься и злишься, прешь напролом, тогда как всего-то и надо, что улыбнуться и попросить.

Ее просьбы выполнялись тотчас. Анну это злило. И злость накапливалась. Когда Оленьке исполнилось шестнадцать – Анне к тому времени уж девятнадцатый год пошел, – их решили вывести в свет.

Обидно?

К тому времени Анна подустала от обид и от матушкиного к ней равнодушия. Та словно заранее приговорила Анну к участи старой девы и не желала тратиться, пытаясь изменить эту, напрогноченную ею же, судьбу. А вот мысль о скором замужестве Оленьки приводила матушку в величайшее возбуждение.

– Оленька сделает хорошую партию, – говорила она портнихам и своим столичным подругам, бесконечная череда которых потянулась к снятому отцом дому. – Разве она не мила?

И все, кому случалось видеть Оленьку, соглашались, что она и вправду чудо до чего хороша.

– Не кривись, – когда матушкин взгляд останавливался на Анне, он мрачнел. – От злости у тебя морщины появляются!

– Это платье мне не идет.

– Тебе никакое платье не идет, – отмахивалась матушка от жалоб, а портнихи, которые готовы были угодить Оленьке во всем, Анны словно и не слышали. – Ты вечно всем недовольна, Анна. Бери пример с сестры.

Оленька одаривала окружающих теплыми улыбками, с портнихами щебетала о пустяках, с матушкиными подругами была неизменно приветлива и почтительна, с Анной – равнодушна.

– У мамы не хватит денег на то, чтобы заказать приличный гардероб нам обеим, – пояснила она, окинув Анну насмешливым взглядом. – Да и зачем тебе? Всем же понятно, что замуж ты не выйдешь.

Из некрасивой девочки Анна выросла в некрасивую девушку. Она по-прежнему была худа, однако сейчас эта худоба казалась болезненной. Длинное лицо ее с острыми скулами и тяжелым подбородком вряд ли кто бы назвал миловидным. А привычка хмуриться и вовсе лишала Анну и тени красоты.

Она понимала.

Она старалась перемениться, но...

В новых нарядах Анна и самой себе казалась нелепой. Платья сидели, будто бы были сшиты не для нее, а достались с чужого плеча. Они немислимым образом лишь подчеркивали Аннину некрасивость. А рядом сияла Ольга...

– Ангел! – воскликнула матушка, вытирая слезы платочком. – Истинно, ангел...

И Анна поймала в зеркале снисходительный сестрицын взгляд.

...воспоминания отпустили.

Ужин шел своим чередом. Столовая была огромна и сумрачна. В зыбком свете многих свечей само пространство искажалось, да и люди...

Анна исподволь осмотрелась. Франц сидит во главе стола и к еде почти не прикасается. На лице его застыла все та же болезненная усмешка. Вертит в пальцах тупой столовый нож, задумался... о чем?

О том, что собирался сделать?

Ему нужна мечь? Пускай.

Ференц откинулся на спинку стула, вальяжный и неторопливый в каждом своем движении. Рисуетя. Не понимает, что задумал брат? Или понимает, но полагает, будто его мечь не коснется? Или же... Ференц куда опасней, нежели кажется. Обернувшись к Анне, он поморщился.

Ференц любил красивых женщин.

И красивые вещи.

И то и другое требовало денег, оттого он, сколь Анна слышала, постоянно пребывал в затрудненных обстоятельствах.

Мари склонилась над тарелкой. Она ест много и жадно, не ясно, откуда у нее взялся столь чудовищный аппетит. И куда что девается? Ее фигурка по-прежнему стройна. Когда же Мари забывает о еде, она смотрит на Франца так... так, что Анну злость разбирает. Хочется встать, подойти и отвесить нахалке пощечину.

Смешно!

А казалось, что прошло все. И эта нелепая болезненная влюбленность, перекорежившая душу, и ревность, и боль.

Витольд пьян. Он пьет бокал за бокалом и почти не закусывает. Но никто не пытается остановить его, напротив, всех, кажется, устраивает происходящее. Пьянея, он стано-

вится тих и несчастен. Оперся на стол локтем, подпер подбородок ладонью, и растопыренные пальцы впились в щеку. Смежились плотные веки, разрисованные алыми нитями сосудов. Витольд не спит – дремлет, пробуждаясь лишь затем, чтобы выпить.

– Я рад, – Франц все же заговорил, – что вы все сочли возможным откликнуться на мое приглашение.

Разве у кого-то был выбор?

Был. И остался. Анна привезла его с собой во флаконе темного стекла, который спрятан под стопкой белья. Ей отчего-то было стыдно за свою слабость.

– Тебе разве откажешь, – бросил Ференц и скрестил руки на груди. – Ты, братец, всегда умел уговаривать.

– В этом году исполняется пять лет со смерти Ольги. И я решил поставить для нее памятник.

– Это так мило! – воскликнула Мари тоненьким голоском.

Памятник – глупый предлог, но все поверят.

– И собрать людей, которые хорошо знали Ольгу.

Ференц рассмеялся, а на щеках Мари проступили алые пятна. Кажется, и до нее дошла двусмысленность фразы.

– Есть еще одно обстоятельство, о котором я позволил себе умолчать. – Ровный, почти равнодушный тон. – Я пригласил мадам Евгению, любимую ученицу мадам Ленорман...

Пауза. И тишина.

Жар свечей. К щекам приливает румянец, потому что взгляд Франца задерживается на Анне.

– Она обещала вызвать дух Ольги...

Ференц фыркнул, Мари протяжно вздохнула. Сердце же Анны понеслось вскачь. Она не верила в ясновидящих, но слышала отчаяние Франца, скрытое за маской равнодушия.

– ...и узнать, кто на самом деле убил Ольгу.

– Братишка, тебе не кажется, что ты уже...

– Не кажется, – он поднялся. – Я не верю, что Ольга покончила с собой. Она слишком любила жизнь.

Мысленно Анна согласилась с ним. Жизнь и себя.

– Как бы там ни было, но завтра мы узнаем правду.

– Отчего ж не сегодня? – Ференц приподнял бровь.

– Мадам Евгения нуждается в отдыхе. И также желает познакомиться со всеми вами.

– Как мило, – пробормотала Мари. Она выглядела... напуганной? Нет, скорее сердитой, растерянной. Неужели она?

Серая маленькая мышка Мари, которой пришлось играть роль компаньонки. Ей доставались насмешки, упреки и капризы, которых становилось больше день ото дня, ведь в столице Ольга окончательно уверилась, что ее красота дает ей право издеваться над людьми.

Мари отличалась завидным терпением. Но если однажды иссякло и оно?

Анна вздохнула и, бросив на стол салфетку, поднялась. Как бы там ни было, пусть Франц раскапывает старую историю. Мешать она не станет. Помогать – тоже.

Мадам Евгения оказалась женщиной весьма тучной. Она возлежала на кушетке, положив пухленькие ладошки на массивный живот, который при каждом, самом малом движении, подрагивал. Круглое, какое-то розовое и гладкое, словно навощенное, лицо ее казалось кукольным.

– Я так рада видеть всех вас, – произнесла она. И Анна замерла.

Какой голос! Ей бы в опере выступать, а не гаданием заниматься. И, точно услышав эту крамольную мысль, мадам Евгения обратила на Анну взгляд огромных ясных глаз.

Зеленые.

Яркие... не трава, не изумруды, скорее уж малахит, тяжеловатый, гладкий камень.

– Вы, должно быть, Анна. – Мадам Евгения протянула руку, унизанную перстнями. Вспыхнули самоцветы, преломляя в гранях свет десятков свечей, и пламя их покачнулось, присело. Показалось – оборвется, но нет, поднялось вновь, разгораясь ярче. – Подойдите.

И у Анны не возникло и мысли ослушаться, она вдруг будто лишилась воли.

– Дайте мне вашу руку.

Протянула. И поморщилась, когда мадам Евгения стянула перчатку, знала, что руки ее нехороши, как и сама Анна. Худые, с неестественно длинными пальцами, обтянутые желтоватой кожей, которую покрывали мелкие морщинки. Анна не могла смотреть на них.

А мадам Евгения нежно провела по тыльной стороне ладони пальчиками.

– Какая грустная у вас судьба... – Она читала линии и хмурилась. Светлые бровки сходились над переносицей, а на лбу проступали капельки пота.

И она ведь некрасива, слишком тучная женщина. Анна, забыв о приличиях, разглядывала ее, отмечая и нездоровую рыхлость кожи, странноватый цвет ее, и блеклость волос – редкие прядки выбивались из-под атласного тюрбана, на котором то и дело вспыхивал мутным светом крупный камень.

– Это Око Судьбы, – сказала мадам Евгения, заметив интерес. – Моя наставница... вы, должно быть, слышали о мадам Ленорман.

– Простите, но нет.

– Печально, – Евгения отпустила руку, но не Анну, велев: – Присядьте. Франц, будь добр, скажи, пусть остальные сядут. Знаете, меня нервирует, когда люди вокруг... так смотрят.

– Они вам не верят.

– Мне? Или в меня?

Мадам Евгения хитро сощурилась.

– Чушь, – громко сказал Ференц, впрочем, усаживаясь в кресло. И ногу на ногу закинул, всем своим видом показывая, что находится исключительно из любопытства.

– Пожалуй, я соглашусь. – Мари присела на самый краешек и руки сцепила замком. Она напряжена, готова в любой момент вскочить, побежать, исполняя приказ. Ольгу эта вечная готовность служить изрядно веселила.

Витольд, слишком пьяный, чтобы разговаривать связно, просто плюхнулся и, уронив голову на грудь, захрапел.

– Притворяется, – мадам Евгения ласково прикоснулась к руке Анны. – Вы ведь лучше, чем кто-либо иной, знаете, насколько искусно люди умеют притворяться. Мне случалось сталкиваться с теми, кто говорил, что не верит ни одному моему слову, но... стоит взглянуть под маску...

Под маски. Они есть у каждого, и у самой Анны – в том числе. Она давно научилась притворяться безразличной, отстраненной, но здесь, в этом доме, старая маска подводит.

Трецинами идет.

– Моя наставница, мадам Ленорман, жила во Франции... ей случилось увидеть многое. Редкий случай, когда Зрячая желала бы ослепнуть. Она видела страшное будущее своей страны. Революцию. И смерть короля... несчастной королевы.

Мягкий голос мадам Евгении окутывал, и полная эта женщина больше не казалась ни смешной, ни забавной. Она смотрела на Анну внимательно, проникая взглядом под проклятую маску.

– Видела толпы черни, рвущие на части Париж. И площадь Революции, залитую кровью. Позорную смерть Робеспьера... гибель Мюрата. Она постарела рано, потому как не желала видеть больше смертей, но жизни вокруг не было...

Мерцал камень. Белый. Крупный, с куриное яйцо, он заворачивал. И поглощая пламя свечей, сам обретал то розоватый оттенок, то вовсе багряный, кровавый. Анну тянуло прикоснуться...

– Она учила меня заглядывать за грань мироздания. – Евгения подняла руку, и камень упал в подставленную ладонь. – И сказала, что дар мой ярок. А когда настало время уходить, дала этот камень. Луна всегда покровительствовала тем, кто ходит запретными тропами. Возьмите...

Камень опалил холодом. И Анна едва удержалась, чтобы не отшвырнуть его.

Скользкий. Непомерно тяжелый. И тяжесть его неприятна. Он же пульсирует в собственном заворачивающем ритме.

– Скажите, что вы видите.

– Ничего, – собственный голос донесся словно бы издалека.

– Не надо сопротивляться, Анна, – попросила Евгения. – Просто смотрите... внимательно смотрите...

...зеркало в белой оправе... темное стекло и темное же отражение, которое поджимает губы. Анна вновь убеждается, до чего некрасива. Нос велик, а подбородок узок. И эти острые скулы, глаза и вовсе узки, а веки будто припухли.

– Что нового ты там пытаешься увидеть? – Ольга подкралась на цыпочках, и голос ее, прозвучавший над ухом, заставил Анну отпрянуть.

– Ничего.

– Врешь, – Ольга сделала перед зеркалом реверанс. – Знаешь, матушка называет тебя «своим чудовищем».

– Знаю.

– И думает, что вообще зря тебя взяла, но я попросила не отсылать тебя в имение.

Не из беспокойства об Анне – Ольге плевать на всех, кроме себя самой...

– На твоём фоне я выгодно выделяюсь. – Она крутится перед зеркалом, которое будто светлеет. Это ложь, что зеркала безразличны. Нынешнее явно симпатизирует Ольге. – Кстати, ты не видела эту дуручку Мари?

– Нет.

– Куда-то запропастилась. Ну вот скажи, зачем мне понадобилась компаньонка?

– На её фоне, – Анна не сдержалась, – ты выгодно выделяешься.

Она не вышла – выбежала из комнаты, а вслед несся веселый смех Ольги...

...польхнув, камень погас.

– Ты смотрела в прошлое, – сказала мадам Евгения с упреком. – Ты слишком привязалась к нему. Отпусти. И загляни в будущее.

– Я...

– Сможешь. Око Судьбы не лжёт, но... даёт надежду. Или лишает её. Не бойся.

Анна давно уже забыла о страхах. И камень, внезапно потеплевший и ставший легким, едва ли невесомым, поднесла к лицу. Будущее? У Анны его попросту нет, но...

...белые нарциссы в этом году рано расцвели, и тяжёловатый аромат их кружил голову. Надо будет выписать крокусы и луковицы тюльпанов.

Чья это мысль?

Анны.

Где она? Дома...

У неё есть дом?

...и сад тоже, в котором слишком рано расцвели нарциссы. Весна в этом году выдалась теплая, но Анна все одно закуталась в тонкую шаль. Да, пожалуй, тюльпаны будут хороши...

Она шла по дорожке, любясь собственным садом и одновременно удивляясь тому, что сад принадлежит ей, вместе с нарциссами, дорожками и старой ивой, что склонилась над прудом, в котором обитали зеркальные карпы, и домом, видневшимся вдали.

Здесь Анна была счастлива.

Она не успела узнать что-то важное, а камень остыл. А следом погасло чудесное видение.

– Будущее есть, – произнесла мадам Евгения, принимая камень. Она держала его в лодочке ладоней и, поднеся к губам, согревала дыханием. – У всех. И разное.

Анна завороченно, еще не способная отделаться от чудесных воспоминаний, поднялась, покачнувшись было, но чья-то жесткая рука поддержала, не позволив упасть.

– Присядь, ты плохо выглядишь. – Франц помог перебраться ей ближе к камину, а место Анны заняла Мари. Она хихикала и ерзала, теребила подол платьица, и мышинная тощая косица дергалась.

– Ты думаешь, виновата она? – Анна подняла взгляд на своего врага.

Или не врага?

Кем он был? Забавным мальчишкой, влюбленным в ее сестру? Юношей, которого она сама полюбила всем своим ожесточенным сердцем, безоглядно, беззаветно и безнадежно? Видел ли он тогда эту любовь?

Несомненно.

Ее все видели...

И Анна вдруг разозлилась – на себя за слабость, на него, потому что он был ее слабостью, и, вырвав руку, спрятала ее в жестких складках платья.

– Черный тебя старит, – заметил Франц. Он наблюдал за Мари вполглаза, но отойти от Анны не спешил. – Ты и вправду горюешь о муже?

– Ты же знаешь.

– Знаю, – он коснулся колючего воротничка, и жест этот своей интимностью испугал Анну. – Но я хочу, чтобы ты сказала...

– Нет.

– Ты его не любила?

Мари обернулась. Сколько ненависти в ее взгляде! Неужели и она влюблена во Франца? Нет, пять лет тому она с готовностью посмеивалась над ним, поскольку того желала Ольга.

...Мари стоит перед зеркалом, накинув на плечи Ольгину шаль. Шаль легкая, белая, пуховая. И Анна сама хотела бы такую, но та, что куплена ей, куда проще, к ней Мари не прикоснется.

Стоит на цыпочках, пытаясь показаться выше. Приподняла юбки, обнажив щиколотки, неожиданно толстые для такой худосочной девицы. Выставив ножку, Мари развела руки – белая шаль, как белые крылья.

– И ты думаешь, что станешь хоть немного привлекательной? – Ольгин насмешливый голос вырывает ее из мечтаний, которые делают Мари почти красивой.

– Оленька...

Сестра отмахивается, она жадно взглядывается в искаженное страхом личико Мари.

– Посмотри на себя, – Ольга разворачивает компаньонку к зеркалу. – Ты уродлива. Нос слишком большой. А глаза, напротив, малы... ресницы редкие... губы... нижняя торчит...

– Прекрати, пожалуйста. – Анна в кои-то веки нарушает свое обычное молчание.

– Почему? Разве я неправду говорю? Или это сговор двух уродок? Будущих старых дев?..

– Анна. – Франц больно сдавил плечо, забирая воспоминание.

Пусть бы все себе оставил! Анна охотно поделилась бы. Ему нужнее, а она... она согласна забыть.

– Ты не ответила на мой вопрос.

Жестко поджатые губы. И подбородок квадратный тяжелый, тянет коснуться его, погладить, успокаивая. Нелепое желание.

– Нет, я не любила его.

– Тогда почему?

Мари, покачнувшись, встает. Ее лицо бледно до серости, в глазах – отчаяние, но Франц отчего-то не спешит помочь ей. Ференц поднимается ленивым тягучим движением, хватая Мари за руку и почти отшвыривает со своего пути. Она же, едва не упав, все же добирается до кресла, падает обессиленно.

Что увидела?

– Потому что... – В темные глаза Франца страшно смотреться, они словно зеркало, а зеркала поголовно ненавидят Анну. – Потому что... я хотела себе немного счастья.

...как объяснить ему?

Анна устала от черноты, от траура, в который погрузился дом. От матушкиных истерик и обвинений, которые та выкрикивала тонким ломким голосом. И каждое слово – осколок стекла. Они ранили душу Анны, застревали в ней, а раны гноились...

Пьянство отца.

И вечное присутствие доктора. Едкий запах лекарств. Лауданум и иное безумие, опшумное. Матушка впадает в забытье. Она спит и улыбается странной, немного сумасшедшей улыбкой, и Анна завидует ей. У нее возникают шальные мысли, что если принять матушкино лекарство, то она сама, Анна, станет счастливой.

А потом была смерть, тихая, во сне. И батюшка, который напился на похоронах, вышел во двор и... говорили, следом ушел, не стало ради кого жить.

Почему-то никто не жалел Анну.

Ольгу, безвинно погибшую во цвете лет, жалели, хотя и считали самоубийцей. Жалели матушку, лишившуюся дочери, отца осиротевшего... не Анну. Должно быть, строгое сухое лицо ее, что в трауре было более некрасивым, нежели обычно, не располагало к сочувствию. Она же, вдруг очутившись в одиночестве, от которого единственным спасением были письма Франца, – не признается ему, хватит с нее позора, – затосковала, всерьез раздумывая о смерти.

– Мне хотелось родить ребенка, – сказала Анна вслух. – Он бы любил меня... хоть кто-то любил бы меня...

– И поэтому ты приняла первое предложение?

Злится? Отчего же?

– Не первое, – поправила его Анна. – Единственное.

Отставной офицер в малом чине. Наглый, развязный и веселый. Он говорил громким басом, отпускал препошлейшие шутки и сам же над ними смеялся. Он рассказывал о военных кампаниях, покручивая соломенный ус, и с каждым рассказом кампании эти становились все более кровавыми, а подвиги его – опасными. Он подмигивал всем женищинам, даже престарелой поварихе, которая от подмигиваний розовела и начинала заикаться, Анну же называл «моя селечка». Отчего селечка? Анна не знала. Он сделал предложение после двух недель знакомства. Заявился в поместье, верхом приехал, и каурый его жеребец плясал под хозяином. Он же, протянув Анне букет полевых цветов, крутанул ус:

– Долго и красиво говорить не умею...

Анна считала ромашки и васильки, чувствуя, что леденеет сердце.

Она ждала предложения и... боялась. Знала: не она сама нужна ему, старая дева, похоронившая свое девичество в траурных одеяниях, а поместье. И те небольшие капиталы, что еще остались после смерти отца.

– ...однако, увидевши вас, я проникся вашими горестями. Вы одиноки, и я тоже одинок. И вдвоем мы способны скрасить друг другу одиночество. Так не составите ли вы мою судьбу? – Он спешил и упал на одно колено, картинно протянув к Анне руку.

Ложь?

Несомненная. Он будет отвратительным мужем. И изменять станет сразу после свадьбы, полагая, что раз уж осчастливил Анну своею особой, то пусть мирится с изменами. Да и кому она нужна, кроме него? Он будет пить и играть в карты, выезжать с соседями на охоту, напившись, орать песни... руку поднимет? Нет, навряд ли, этот не из таких, но...

...но, быть может, он и вправду сделает Анну не такой одинокой?

– Я недооценила его страсть к игре, – призналась Анна, глядя, как поднимается Ференц. Бледен? Отнюдь. Что бы ни увидел он, но увиденное держал при себе, притворяясь безразличным. Вот только край губ подрагивал, выдавая волнение.

Витольд... он пьян, но уже пробудился, и к креслу подходит осторожно, бочком.

– Вы были счастливы? – Франц, точно потерявший всякий интерес к происходящему, не спешил оставлять Анну. К чему эти вопросы? Ему не все ли равно? А пальцы еще впиваются в плечо, жесткие, повелительные. Отвечай, Анна, не зли хозяина, иначе... что он сделает?

– Не была, – Анна не собиралась лгать, да и тайного в том ее недолгом замужестве ничего не было. – И да, я сожалею, что поддалась искушению.

– А я – нет.

Он все же убрал руку.

– Без проигрыша вашего мужа... – лицо дернулось, словно Франц с трудом сдерживал гнев, – вы бы вряд ли согласились приехать сюда.

Возможно.

– Дура! – взвизгнул Витольд, стремительно трезвея. Он отшатнулся от мадам Евгении, и круглый камень выпал из потной его руки, покатился под стол. – Идиотка!

Он вскочил, едва не опрокинув кресло, вытянул дрожащую нервную руку:

– Мошенница!

Витольд испугался?

Да. Он посерел, а пухлые щеки его будто бы обвисли. И подбородок мелко подрагивал, на губах пузырилась слюна, которую Витольд часто сглатывал.

Что он увидел?

Нечто страшное и...

Франц отступил. Стало пусто и нехорошо, словно Анна лишилась вдруг невидимой защиты, вновь осталась одна. И она мысленно выругала себя за это вновь вспыхнувшее чувство, которое в нынешних обстоятельствах было еще более неуместно, нежели пять лет тому.

Франц поднял камень и, нежно погладив его, будто бы Око Судьбы было живым и отзывалось на ласку, передал мадам Евгении. Он же помог ей сесть, и гадалка, обведя собравшихся ясным взглядом, произнесла:

– Сегодня каждый из вас заглянул в Око Судьбы, однако же и оно заглянуло в каждого. Ваши тайные желания, ваши помыслы, ваши страхи – отныне не осталось ничего, о чем бы не знало Око.

Мари захихикала, а Ференц выругался.

– И завтра я назову имя того, кто пять лет тому оборвал жизнь Ольги.

Она поднялась, тяжело опираясь на руку Франца. Тот же придерживал мадам Евгению с нежной заботой, не дорогую гостью, но друга. Оба ушли. В воцарившейся тишине слышно было, как тикают часы.

– Никогда-то не верила в подобные глупости, – сказала Мари, потирая тонкие ручки. Она сняла перчатки, спрятав их в серый ридикюль, и теперь пристально, как-то уж очень

цепко разглядывала собственные пальцы. Надо сказать, что руки ее были необычно ухоженными, с белой мягкой кожей и аккуратными розовыми ноготками. У Анны это открытие вызвало глухое раздражение.

– Точно, – как-то не очень уверенно согласился Ференц, присаживаясь к девушке. – Глупость и позерство...

– Но ты что-то видел. – Анна услышала собственный голос. – Все вы что-то увидели, иначе...

Молчание.

Взгляды, которыми обменялись все трое, и неуверенный, с визгливыми нотами, голос Витольда:

– Я ничего не видел...

– И я не видела.

Ференц только хмыкнул.

– У тебя, Анна, – продолжил Витольд, нервно разминая пальцы, – должно быть, воображение разыгралось. Помнится, ты всегда обладала на редкость живым воображением.

Душно вдруг стало.

Мерзко.

Врут. И будут врать. Скрываться. Спасаться. Зачем?

– Покину вас. – Анна поднялась. – Я устала. И голова что-то болит...

– У меня есть замечательные капли, которые и от головной боли спасают, и сон дают крепкий, – Мари вскочила и взялась за ридикюль. Еще тогда Анне этот ридикюль виделся совершенно волшебной вещью, способной вместить тысячу самых разных, но неизменно необходимых предметов. К примеру, вот такой флакон с плотно притертой крышкой. Темное стекло не позволяет разглядеть содержимое, но сомнения оживают. Не те ли это капли, которые приняла Ольга? И Мари, вдруг догадавшись о подозрениях, глупо хихикает.

– Что ты, Анна, зачем кому-то убивать тебя? Я лишь помочь хочу.

– Спасибо.

Она берет флакон, хранящий тепло рук Мари. Принимать капли Анна не станет. Она уже съжилась, свыклась со своей мигренью. Старая подруга, что предупреждает о визите нервным биением пульса, запахами, которые становятся вдруг резки, и невыносимо яркими красками. Правда, в этом доме нет им места, и Анна мысленно благодарит Франца за этукую заботу.

В комнате она падает на стул и сидит, разглядывая свое отражение в очередном зеркале. Постарела? Верно. Еще тогда, после смерти сестры, разом и вдруг, а никто не заметил ни этой ранней седины, ни морщин, ни изменившегося выражения темных глаз... горя, в праве на которое Анне отказали.

Она потеряла виски, подумав, что уже сегодня вновь сляжет на несколько дней. И ладно, пускай, она спрячется в этой небольшой комнате от всего мира, хотя рано или поздно придется открыть дверь. Анна вытягивала из волос иголки и бросала их перед зеркалом. Сама же справилась и с платьем, привыкла обходиться без помощи прислуги.

Муж... ее бестолковый жалкий муж, существо, на которое Анна возлагала такие надежды, напился на свадьбе и щедрой рукой одарял сослуживцев. Кутил с неделю, и в спальне ее появлялся пьяным, порой слишком пьяным, чтобы исполнить свой долг. А когда мог, то... всякий раз поутру Анна ощущала себя грязной, но мирилась и с грязью, и с ним, с его нелепым прозвищем, от которого он так и не отказался, с перегаром и табаком, пьяными загулами и любовницей. Ее существование он не потрудился скрыть. Анна приняла его долги, пыталась платить, все еще надеясь, а он так и не смог дать ей то единственное, что Анне от него требовалось. Будто Всевышний таким вот способом в очередной раз показал Анне ее никудышность.

– За что? – одними губами спросила она у зеркала.

Молчало. Отражало женщину с излишне худым строгим лицом. Оно рисовало портрет с издевательской тщательностью, не забыв ни одной морщинки, ни одного седого волоска.

Анна вздохнула: смирилась ведь, так отчего ж на глазах закипали злые слезы?

Переодевшись в рубашку, длинную, под самое горло, она вернулась к зеркалу и взялась за щетку. Волосы сохранили прежнюю густоту и проволочную жесткость.

Франц вошел без стука.

Хотела возмутиться, но смолчала. Лишь отложив щетку, поднялась за халатом.

– Тебе нет нужды бояться меня, – тихо произнес Франц.

– Я и не боюсь.

Она давно растеряла собственные страхи, пожалуй, чуть раньше, чем достоинство.

– Ты замерзнешь, – с упреком произнес Франц.

Халат был старым, чиненным, но любимым. Ткань выцвела и поистрепалась, однако мягкость ее, особый аромат приносили Анне утраченное душевное спокойствие.

– Не стоит волноваться за меня.

Зачем он пришел? Разглядывает. Посмеяться вздумал?

– Стоит, – он тряхнул головой и, запустив руку в темные кудри, дернул. – Анна, я... не умею красиво говорить. Никогда не умел. Помнишь, заикался все время?

– И краснел еще.

Щеки Франца вспыхнули.

Краснеет.

– Да, краснел, – эхом отозвался он. – С нею было сложно. А ты... у тебя всегда находилось для меня время. Ты была другом.

Ей не оставалось ничего иного, хотя, видит Бог, Анна желала бы. Порой она почти решалась предложить себя этому мальчишке, нет, не женой, но любовницей. Все равно ведь впереди пустая тусклая жизнь, так отчего бы не получить хотя бы пару дней счастья?

– Я ведь знал, что... – он присел на пол и взял руку Анны, поднес к губам, согревая дыханием. – Я видел по глазам, но...

– Ты любил Ольгу.

И продолжает любить, но ему стало не хватать писем и ускользающих воспоминаний.

– Да, любил, – он провел пальцами Анны по своей щеке. Холодная какая... а румянец горит. – Я видел, какова она... красивая кукла, но сердцу ведь не прикажешь.

Верно. Анна пыталась. Не раз и не два, но треклятое непокорное сердце продолжало болеть.

– Я видел тебя, видел ее. Знал, что она не желает выходить за меня замуж, что ей больше по нраву Ференц... что она... и он...

Мрачнеет. И черты лица заостряются. Анне хочется утешить его, и она нежно проводит по морщине, что пересекает лоб.

– Она в глаза мне заявила, что стала его любовницей.

– Надеялась расстроить свадьбу?

– Нет, – Франц печально усмехнулся. – Просто мстила, что Ференцу она не нужна женой... а я... я ведь согласился и на это.

Бестолковый влюбленный мальчик, который не способен был избавиться от любви. Ему и сейчас больно!

– Я проклинал себя за слабость. Хотел прекратить это... и не мог.

А не он ли, ясноглазый и мечтательный, вспыхивающий румянцем по одному взгляду Ольги, убил ее? Из ревности, из мести, из душевной муки? И если так, то можно ли его осуж-

дать? Разве Анна сама не испытывала того же? Сколько раз она желала умереть и... и быть может, исполнит наконец желание?!

– Когда Ольга умерла, – Франц перехватил Аннины пальцы и теперь гладил их, подносил к губам, но не смел прикоснуться, и дыхание его ласкало кожу, – я испытал одновременно и величайшее отчаяние, и огромное облегчение. Я мечтал о ее любви, о том, что если буду настойчив, она дрогнет...

– Однажды увидит, что ты стоишь ласкового взгляда?

Чуть более ласкового, нежели обычно. Но время шло, день за днем, а он смотрел, как прежде. И Ольга смеялась над этой глупой надеждой. Пожалуй, ее веселила и сама Анна, и нелепая ее влюбленность, и Франц, слепой в своей одержимости... Витольд... Мари...

Театр, созданный для одной Ольги.

– Прости, – Франц прижал ее ладонь к своей щеке. – Прости меня за все, пожалуйста! Давно простила.

Прокляла. И снова простила, устав мучиться.

– Тогда я сказал, что ненавижу тебя, – он смотрел снизу вверх, и Анна, отраженная в зеркалах его глаз, была почти красива. – И это было правдой. Я спрашивал, почему умерла она, а не ты. Ты была...

– Навязчива?

– Нет.

– Отвратительна?

– Нет, Анна... холодна. Отстраненна. Замкнута. И бесконечно добра. Я не хотел видеть этой твоей доброты и сочувствия, которое ранило меня сильнее, чем презрение Ференца. Я желал, чтобы ты умерла, а она...

– Если бы было возможно поменяться с Ольгой, я бы сделала это.

Тишина. И робкое потрескивание пламени, скрытого за каминным экраном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.